

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ I

1. Этот мотив обычно выдвигался на первый план и в официальных обоснованиях британского миролюбия. Так, в марте 1934 г. государственный секретарь по иностранным делам Д. Саймон подтверждал, что "мир в Европе и мире действительно важен для нашего собственного благосостояния и, может статься, для нашей собственной безопасности" /1,287–484/.

2. Среди экономистов существуют значительные расхождения в оценке абсолютных размеров британских вложений за рубежом в 30-е гг. /196–76-77/. Наименьшая цифра была обоснована Р. Киндерсли /116–13/. Тем показательнее, что доля имперских (в общей массе иностранных) вложений оценена им примерно так же, как и Ю.И. Винцером – 61,1 и 58,1% соответственно. Из приводимых А. Кодаченко противоречивых подсчетов следует, что для 1937-38 гг. этот показатель составил 50 или 62 % /220–276, 289, 292-293/.

В 1931-38 гг., несмотря на приступы финансовой паники начала десятилетия, Английский банк и дельцы Сити изъяли лишь 285 млн.ф. ст. ранее инвестированного капитала и недополучили по платежам значительно менее, чем их основные конкуренты – североамериканцы. В тот же период вывоз капитала из Англии составил около 1 млрд ф. ст. /220–276-277/. Неполные данные указывают на продолжавшееся в 30-е гг. увеличение доли вложений (при сокращении их абсолютных размеров) в страны Британской империи как самой надежной сферы приложения капитала /214–343; 200–72/.

Предоставляя колониям и доминионам "статус опеки", парламентские акты первой половины 30-х гг., как и прежде, создавали льготный режим их кредитования Английским банком /260–266/.

3. Они представляли парадоксальный синтез протекционизма и фритреда. Сторонники последнего могли бы быть удовлетворены тем, что имперские преференции расширяли область сравнительно свободной торговли. Вместе с тем, проецирование защитных мер за пределы национальных границ создавало для значительных промышленников выгоды сверхпротекционизма /99–279/.

4. Согласно Э.Драммонду, соглашения о взаимных преимуществах в реализации экспортных товаров между Англией и доминионами при вели к увеличению национального производства лишь на 26 млн ф. ст. в 1933 г. и на 56 млн – в 1937 г., т.е. на 0,5 % и 1 % общего производства соответственно /304–145/. См. также: /278–187; 317–228/.

5. Оно явилось следствием не столько ужесточения мировой конкуренции и клиринговой политики Берлина, сколько результатом сознательной реализации "оттавского" курса и сокращения закупок сельскохозяйственных продуктов вне Империи, тогда как "аграрный кризис, охвативший страны Юго-Восточной Европы, толкал их на форсирование экспорта..." /221–40; 305–82/. Попытки сотрудников Форин Офис убедить министерство торговли проявить умеренность в ограничении импорта из Восточной Европы были встречены прохладно /3 5–89/.

6. Уже в годовой обзор Комитета начальников штабов за 1932 г. защита Индии от возможного нападения России заняла последнее место в перечне задач имперской обороны. Такая вероятность оценивалась крайне невысоко, и тема советской агрессии незаметно исчезла из дискуссий в органах Комитета имперской обороны /343–109/. Даже наиболее антисоветски настроенные руководители военного министерства, допуская возможность вторжения СССР в Афганистан, исключали другие варианты /34–194/. К началу 1924 г. крупные государственные деятели, в частности, Н. Чемберлен, рассматривали СССР как государство, поощрять агрессию Японии против которого немислимо для Лондона /343–110; 277–551/.

7. Есть основания полагать, что не только М.М. Литвинов, но и заведующий отделом внешнеполитической информации ЦК ВКП(б) К. Радек не разделяли официальную точку зрения на эту проблему /103–ХП/. П.Тольятти в докладе на III конгрессе Коминтерна при характеристике внешне-

политического положения Англии также расставил акценты существенно иначе, чем в процитированной резолюции. Откровенно скептическое отношение к этой концепции выражено в брошюре В.Хорватского /123–79/.

8. Общая численность "твердолобых" парламентариев – "империалистов старого типа" – в середине 30-х гг. оценивалась в 30 человек /83–1395,5–10/, большинство из которых лишь с натяжкой могут быть отнесены к изоляционистам. Влияние их на позиции правительственных кругов прослеживается лишь в предложениях Адмиралтейства, ориентированных на защиту заморских владений от Японии. Акцентирование имперских потребностей Адмиралтейством, однако, вероятно, объясняется собственными ведомственными интересами /343–67-68/.

9. Характерно, что единственная политическая партия, поддерживавшая изоляционистско-имперский комплекс идей – Британский союз фашистов, высказывалась о задачах внешней политики страны с гораздо большей осторожностью и умеренностью /136–151-153/.

10. К "неоимпериалистам" Д.-К.Уатт позднее отнес и полковника М.Хэнки, в 20-30-е гг. соединявшего в своих руках полномочия секретаря кабинета, секретаря Комитета имперской обороны и клерка тайной печати /376–49/. Взгляды и деятельность Хэнки, тщательно изученные С.Роскилло, однако, вряд ли уместаются в сформулированные самим Уаттом рамки этого течения.

 11. Определяя пределы экономических уступок Германии, т.е. по существу границу, отделяющую специфические внешнеполитические интересы государства от главных /388–48/, высшие сотрудники Форин Офис обнаружили прагматичный, свободный от "имперского" догматизма подход. Меморандум, подытоживший двухмесячные дискуссии и представленный А.Иденом кабинету в феврале 1936 г., рекомендовал при условии политических обязательств Берлина отказаться от соперничества с ним на рынках Юго-Восточной Европы (при сохранении Англией влияния в Скандинавии и Прибалтике) и предоставления ему колоний либо прав на выгодную торговлю в странах Империи /315–172-173/. См. также: /228–58/.

12. Так, в начале 1934 г. Н.Чемберлен убеждал своих коллег в том, что лучшее средство сдерживания Японии, ущерб от действий которой во всяком случае не будет фатальным, – сдерживание Германии. Ранее сходные идеи высказывал кабинету начальник имперского генштаба лорд Милнер /343–109-110/.

13. Под одной из двух держав Болдуин, несомненно, подразумевал Германию. Вопрос о намерениях нацистского руководства в отношении Азии, Африки и Латинской Америки сложен и не нашел однозначного решения в историографии /146–461-462; 240–93; 237–25-26; 201–21/. Для понимания объективных интересов Великобритании и осознания их правительством это и не столь важно. Заявление Шахта в 1932 г. и меморандум Гугенберга летом 1933 г. (несмотря на дезавуирование его Берлином), создание в мае 1934 г. "колониально-политического отдела" имперского руководства НСДАП, торговая экспансия немецких монополий (в особенности химической и перерабатывающей промышленности, таких как "ИГ Фарбениндустри") /240–94; 209-34/ в Латинской Америке и на Ближнем Востоке, наконец, официальные претензии на получение гарантированных рынков сырья вне Европы, выдвигавшиеся гитлеровским руководством с 1934 г. /235–78/, свидетельствовали о невозможности расценивать германскую экспансию даже в ближайшем будущем как чисто европейскую проблему. См. также: /258–25/. Аналогичным был урок, преподанный Лондону итало-эфиопским конфликтом 1934-1935 гг. С марта 1934 г. Италия начала ведение антибританской пропаганды среди арабов Ближнего Востока /347–93-94/. Имперские вождедения фашизма беспокоили англичан и много ранее /146–393/.

14. Отчасти это объяснялось тем, что Англия была "первой капиталистической страной, которая... разработала программу мер борьбы за капиталистический выход из кризиса" /83–1933,7–13/. Основные мероприятия "программы восстановления" (сентябрь 1931– август 1932 г.) включали от-

мену золотого стандарта и создание стерлинговой зоны, протекционистские акты и бюджетную экономию. Избегая перестройки внутреннего хозяйственного механизма, Лондон предпочел, по меткому замечанию Лафора, "экспортировать депрессию" /323–90/. Подъем был обеспечен без принятия военных программ /397–249/. Не произошло значительного расширения государственного вмешательства и по другим каналам, как подчеркивают симпатизирующие монетаристским концепциям историки /325–118/.

Правительственные дотации промышленности и сельскому хозяйству в середине десятилетия не превышали 30 млн ф.ст., причем 2/3 из них направлялись в аграрный сектор /2SO-345-349/.

15. Едва ли не первым обосновал этот взгляд на британскую действительность, преодолев господствовавшие до середины 70-х гг. представления о тридцатых как "десятилетии бед и бесчестия" (Оден), Дж.Стивенсон. "...Для тех, кто имел работу, тридцатые были периодом повышавшихся жизненных стандартов к нового уровня потребления", – отмечал он /361–91/. Стивенсон обратил внимание на важные для наименее обеспеченных слоев факторы – снижение цен на продовольствие (при общей умеренной инфляции) к сокращению рождаемости /271–94/. Традицию радикальной публицистики продолжил в 70-е гг. А.Хатт /305–184-186/.

16. Лишь в 1936-39 гг. она упала до привычного уровня 20-х гг. (10-13 %). Доля длительно (свыше одного года) безработных росла на протяжении всей первой половины десятилетия (26,5 % безработных и около 4 % всех наемных рабочих в 1935 г.) /95–82; 222-143-145/. По официальным данным, в 1931-35 гг. в Великобритании насчитывалось в среднем 2 млн безработных. При этом не учтены сельскохозяйственные рабочие, некоторые категории потенциальных тружеников. Не только денежная помощь комитетов общественного призрения, оказываемая на основе жесткой "проверки нуждаемости", но и основное страховое пособие (с конца 1931 г. выплачивавшееся лишь 26 недель) находились на уровне, как правило, более низком, чем официальная "линия бедности" /208–9-12/.

17. При формировании правительства Болдуин желал его видеть на посту госсекретаря по иностранным делам, но Георг V воспротивился этому варианту. Одновременно Чемберлен возглавлял исследовательскую организацию консервативной партии. В начале 1934 г. он убедил Болдуина создать Комитет министров-консерваторов, который, заседа в неофициальной обстановке под председательством Чемберлена, обсуждал программу деятельности правительства по всем вопросам (и, надо полагать, нередко предрешал его мнение) /181–343; 177–163; 45–286-287/.

18. Его придерживались все партии правительственного большинства. С.Болдуин обращал внимание своей партии, что в ее названии присутствует слово "юнионисты", и она должна бороться "за союз тех двух наций, о которых двумя поколениями ранее говорил Дизраэли" /29–59/. В начале 30-х гг. верхушка тори продумывала идею переименования партии в "национальную" /181–349/. См. также: /127–263/.

Осенью 1931 г. идея примата национального сплочения над партийной борьбой была принята практически всеми либералами. (Исключение составляла лишь "семейная партия" Ллойд-Джорджа, который, впрочем, неоднократно протупывал возможность примкнуть к кабинету). В конце 1932 г. сторонники Г.Самюэля покинули правительство, но до ноября 1933 г. неизменно поддерживали его в парламенте. Распад первоначальной коалиции поверг Макдональда в отчаяние: он понимал, что становится заложником своих оппонентов /182–498/. Чувство ответственности побудило его остаться во главе кабинета. "Состояние сегодняшнего мира означает, что любая попытка возвратиться к партийному правлению – не только ошибка, это – преступление", – объяснял поведение "национал-лейбористов" Макдональд в конце 1933 г. /190–468; 179–726,728/.

19. Расходы на социальные нужды в 1933 г. составили 47 % бюджетных ассигнований (33% в 1913 г.), на экономику – лишь 10,5 % и учитывая, что значительная их часть шла на поддержание низких продовольственных цен и занятости они вряд ли могли быть уменьшены. Пятая часть бюджета обслуживала национальный долг. Расходы на оборону составляли 10,5 %, т.е. втрое меньше, чем

накануне 1915 г. долю /317–240/. Увеличение ассигнований по последней статье, по мнению Чемберлена, поддерживаемому кабинетом, могло произойти исключительно за счет первых: сбалансированный бюджет считался главным условием восстановления /177–16?/. Последний бюджет Н. Чемберлена (апрель 1937 г.) содержал беспрецедентный "налог в пользу национальной обороны" на доходы предпринимателей. Сити сочло эту меру социалистической, но Чемберлен решился на нее, так как верил, что новый налог на бизнес "поможет предотвратить недовольство за пределами делового мира", и иного пути сохранить социальную стабильность при перевооружении страны нет /343–87/. Многие историки упрекают Н. Чемберлена и его заместителя У. Фишера в излишней ортодоксальности экономической политики – неспособности принять рождавшееся в Сити кейнсианство, отважиться на дефицитное финансирование и оборонный займ, что могло привести и к снижению безработицы (Подробно см.: /343–60-63; 71–751/. Не соглашаясь с ними, П. Кеннеди замечает, что "в длительной перспективе Казначейство было абсолютно право, предостерегая подобно Кассандре о последствиях крупномасштабных оборонных расходов для такого экономически слабого государства как Великобритания" / 317–53 /. Между тем речь шла вовсе не о "длительной перспективе", а о нескольких годах; американский историк полемически преуменьшает силы страны и Империи.

20. На основании изложенных С. Роскиллом материалов, советский исследователь С. Г. Десятков пришел к выводу, что "британские стратеги из Имперского комитета обороны" ставили "защиту метрополии на третье место по сравнению с господством на море и защитой Палестины и Египта" /210–106-107/. Представляется, что в упомянутых документах речь шла не о "главных целях британской стратегии в целом", а об определении первоочередности военных усилий страны. Необходимость помешать Японии разрушить морские коммуникации выглядела наиболее актуальной. Секретарь Комитета М. Хэнки при подготовке рекомендаций, проанализированных С. Г. Десятковым, обоснованно полагал, что немцам потребуется не менее пяти лет для подготовки агрессии /343–115/. См. также: /180–780-781/. Позднее исследователь смягчил свое утверждение /393–149/.

21. Напомним, что первые эксперименты по использованию радара в Англии начались в феврале 1935 г. /180–1090/. Учения начала 30-х гг. доказали, что свыше половины не только ночных, но и дневных бомбардировщиков могло достичь пространства над столицей вообще без боя /108–161; 180–1085/. Тогдашние оценки разделяют и современные историки /180–1085; 310–258-259/. О компетентности Болдуина в военной стратегии см.: /180–722-723/.

22. Руководители люфтваффе, однако, потерпели поражение в столкновении с армейским командованием и не сумели добиться определения тыловой промышленности противника как приоритетной цели немецкой авиации /324–70/. Напротив, строительство Королевских воздушных сил в 20-30-е гг. осуществлялось на основе указанной концепции /308–126/.

23. Подчеркнем: то было мнение не "далеких от жизни" пацифистов, а "ястребов" (хотя и поддерживаемых в данном случае пацифистами). См.: /121–72; 138–37/. Разумеется, в военной среде было немало критиков этих суждений /77–1935, 9/10–89-90/. Однако "национальное правительство" и штаб ВВС склонялись к наихудшим прогнозам /38–28; 277-282/. См. также: /263–437/.

24. Леворадикальная и коммунистическая пропаганда, вдохновляясь антикапиталистическими схемами, постоянно разоблачала руководителей страны как наихудших поджигателей войны. Тем ценнее признание, сделанное в начале 1935 г. издававшимся коммунистами "Лейбор мансли": "Отвлеченные антивоенные чувства никогда не были так сильны и широко распространены, даже модны во многих буржуазных кругах, чем сейчас - когда угроза войны возросла" /90–1935, 1–8-9/.

25. В советской литературе отсутствуют исследования британского пацифизма межвоенного периода. Ближе других к этой теме подошла Р. М. Илюхина /217/. Дать краткий анализ столь сложной проблемы не представляется возможным. Общие оценки фактора пацифизма для британской политики см.: /306–79-80; 317–241-242/.

26. Стремясь определить основные направления политики Великобритании, западные историки, как правило, избирают критерием их разграничения масштабы и формы континентальных обязательств. Так, Н. Ростоу рассматривает внешнюю политику Англии как сочетание трех ориентаций общественного мнения – "лигерской и пацифистской" политики ограничения своих вооружений и двусторонних обязательств при неукоснительном выполнении обязательств Локарно и Ковенанта; линии, "империалистов голубой воды", состоявшей в предельном урезывании европейских обязательств, и традиционалистское течение, ориентированное на сохранение баланса сил на континенте методами Антанты /350–5-6/. См. также: /306; 334-17/.

Другие, чрезмерно доверяя заявлениям тогдашних лидеров страны о следовании одному лишь здравому смыслу, вообще сомневаются в возможности указать концептуальные основы британской политики /337–396/.

Существует, и тенденция, особенно присущая советским ученым (см., например: /237–119; 238–508-509/) рассматривать колебания в британской политике как чисто конъюнктурные либо вызванные внутренними противоречиям правящих кругов Англии, Так, И.М.Майским было предложено рассматривать британскую политику как сочетание политик "государственного интереса" и "классовой ненависти" /58–36-37/. (Внесенные позднее изменения позволяет считать, что автор отчасти осознал уязвимость такого подхода /57–289/.

Представляется, что системный подход в интерпретации Э.А. Позднякова действительно "дает возможность понять определенные виды деятельности государств как функцию системы межгосударственных отношений" /387–47/, а не наоборот – к чему стихийно тяготеет большинство исследователей внешней политики Великобритании.

По своим выводам излагаемой позиции наиболее близко мнение Рейнольдса, полагавшего, что политика Англии строилась па сочетании двух принципов: "мирное урегулирование споров и удовлетворение законного недовольства" и "предотвращение господства на континенте какой-либо одной силы" /345–10,14/. См./также: /288–128; 390–27/.

27. Опасения, что тенденция к выдвиганию неограниченных требований и к милитаризму может получить преобладание в Германии, не исчезавшие в правительственных ведомствах и в 20-е гг. /273–295; 187–84/, усилились накануне прихода нацистов к власти. Как свидетельствуют документы Форин Офис и исследования (в том числе, специально посвященные этой теме /295; 262/), Лондон пристально следил за успехами правых и националистических сил и деградацией Веймарской республики, имел достаточно оснований для правильной оценки германской политики в близком будущем /263–388; 273–296/. Уже на рубеже 1932 г. при обсуждении Комитетом по подготовке конференции по разоружению (в котором участвовали ведущие члены правительства) было признано, что обстоятельства могут потребовать выполнения Англией своих локарнских обязательств до отношении к Франции /263–340/. В марте 1932 г. правительство санкционировало решение Комитета имперской обороны отменить принцип военного планирования, в соответствие с которым не следует ожидать большой войны в течение десяти лет. Хотя главным толчком к решению явилось расширение японской агрессии /343–67/, британское руководство имело в виду и осложнение – несмотря на открытие конференции по разоружению – ситуации в Европе. "Десятилетнее правило" было заменено принципом "ограниченной ответственности" вооруженных сил Королевства за положение на континенте /263–342-343; 298–150-151; 306–99; 290–70-71/. Германия начала перевооружение и доведет его до конца, утверждалось в годичном отчете начальников штабов трех родов войск в октябре 1932 г. Усилившись, она попытается "достичь своих целей наступательной войной на востоке, в случае необходимости сочетающейся с оборонительной – на западе" /306–105/.

Обзор британской печати и анализ общественного мнения страны в начале 1933г. см.; /273–257-261; 366–57/.

28. Они серьезно пострадали вследствие подписания в июле 1932 г. "консультативного пакта" между Англией и Францией. Муссолини продемонстрировал свое недовольство отстранением сторонника проанглийской ориентации Д. Гранди от обязанностей министра иностранных дел. Исходившее из Рима поощрение ревизионизма Германии, Австрии и Венгрии усугубляло трудности в англо-итальянских отношениях. См. также: /195–12/.

Сближение Лондона и Рима, считал Д.Саймон, окажет сдерживающее влияние на новых руководителей Германии, тем более, что эксцессы штурмовиков вызвали в Италии раздражение /11,4–536/, а с другой стороны, даст толчок все еще не вышедшему за рамки предварительной стадии процессу франко-итальянского урегулирования /11,4–528-529/. Итогом переговоров, по мнению английских лидеров, могло бы стать согласование "энергичной декларации о стремлении Италик и Великобритании к дару" /11,4–529/. См. также: /311–40/.

29. Советские историки (см., напр.: /194–112; 199-48/), соглашаясь с тем, что одобрение Англией идеи пакта обуславливалось поиском равновесия сил, зачастую рассматривали это стремление как направленное против Франции и СССР. Эта позиция объясняется, вероятно, произвольным перенесением соотношения сил середины.20-х в следующее десятилетие, доверием к официальным советским оценкам того времени (см. с. 83), а также влиянием видных западно: критиков политики Великобритании /288-80; 353—136, 138/.

30. Линию на франко-итальянское сближение Лондон проводил о различной степени активности с 1927 г. /252–67-68/.

Британские руководители, заметил А. Дж.П. Тэйлор, "постоянно переоценивали итальянскую мощь - сейчас невозможно объяснить почему" /363–115/. Материалы о визите Макдональда в Рим позволяют частично решить поставленный Тэйлором вопрос. Динамичная, сплоченная Италия в начале 30-х гг. на фоне всеобщего развала и внутренних трудностей Англии вызывала восхищение не только в профашистских и консервативных' кругах, но и среди части лейбористов /358–252; 47–48-49/. Поездка в Рим благодаря стараниям Муссолини произвела сильное впечатление и на главу правительства.

По возвращении он рассказывал коллегам о "новой энергия" и "необычайном восстановлении Италии" при фашистском режиме /11,5–296;-47-50/. Немаловажно и другое наблюдение Тэйлора идея англо-итальянского стратегического сближения была старым "коньком" Макдональда и Саймона, поддерживалась ими еще в канун первой мировой войны /363–108/.

31. Истэблишмент усматривал в отказе от прямолинейного следования балансу сил, силовой политики вообще преимущественно шанс своевременного учета органично меняющегося соотношения сил. Левые круги поддерживали сдвиг, исходя из идеалов ненасилия и международного сотрудничества /366–30/. Британское общественное мнение в отношении политики баланса сил многократно исследовалось англо-американской историографией. См., напр.: /348–33-36; 41–43;. 364–168-169; 263–390-392/. В 20-е гг. даже У.Черчилль отвергал "традиционную мудрость баланса сил" /263–329-330/. Д.Саймон ознаменовал назначение на пост государственного секретаря заверением, что "прошло время", когда его предшественники сосредоточивали усилия на "поддержке самой близкой к соперничающей с другими группировки" и постоянно наблюдали "за чашечками весов – что именовалось балансом сил" /366–29/. Аналогичные заявления Макдональда и Идена см.: /48–11; 38–27/.

32. См. также: /1,276–519/ и заявления Д.Саймона представителям Чехословакии, Румынии, Польши, Германии и Югославии в конце марта - начале апреля /11,5-107, 111, 126,129-130, 132/. Как отметил Тэйлор, приход нацистов к власти не только не подорвал веру Лондона в осуществимость компромиссов, но и стимулировал стремление как можно скорее договориться о них, пока мирное урегулирование еще возможно /364–185/.

33. Это намерения нельзя осуществлять с диктатом; повторять 1919 год Лондон вовсе не стремился /7,4–11/, в ходе переговоров с Муссолини"английские представители предлагали привлечь к сотрудничеству веских держав Польшу, в частности, предусмотреть обязательства неприменения силы в ее отношениях с ними /11,5–75,77/. В этом сказались не только обеспокоенность накаленностью данцигской проблемы в начале 1933 г., но и устойчивое представление о путях решения германо-польских противоречий. Так, в июле 1932 г. английский министр предлагал Варшаве примкнуть (наряду с Германией, Италией е Бельгией) к только что заключенному между Англией и Францией пакту доверия /330–94/. Можно поэтому полагать, что поправки Форин Офис к рим-

скому проекту "пакта четырех", направленные на устранение положений, которые вызывают подозрения малых государств /330-221-223/, появились не только в результате протестов Франции и ее союзников, но и выражали кредо британской политики.

34. В документах Форин Офис анализировались, в частности, возможности применения Англией "мирной блокады" германского побережья и даже превентивное использование военной силы в случае явного нарушения Версальского и Локарнского договоров /171-23-25; 11,5-282-285; 53-478/.

35. См. изложение Д.Саймоном решения Правительственного комитета по разоружению (он возглавлялся Макдональдом и Болдуином) от 12 мая 1933 г. /11,5-236/. Об этом свидетельствуют также высказывания Макдональда и Саймона в беседах с Хешем (30 марта, 7 и 12 апреля /11,5-9,15-16/), британского посла Румбольда – с Гитлером (11 мая) /11,5-231-235/, Идена – с Надольным (11 мая) /11,5-224/, а также Саймона и Ванситгарта – с Розенбергом 8 мая. Наиболее полное изложение обстоятельств пребывания Розенберга в Лондоне см: /352-36-37/. Опубликованные позднее документы подтверждают вывод П.Сибэри о провале попытки Берлина достичь взаимопонимания с англичанами нетрадиционными средствами /11,5-205, 228-230/. Ср.: /145-168; 255-40/. Особое значение имела речь военного министра лорда Хэйлшэма в верхней палате 11 мая. Отвечая на угрозу Германии осуществить суверенные права на вооружение в случае срыва женевской конференции, он заявил, что такое нарушение Версальского договора "приведет в действие предусмотренные этим договором санкции" /146-473; 11,5-226-227/.

35. Понимание этих обстоятельств без труда прослеживается в позиции ряда выдающихся деятелей лейборизма и членов Союза демократического контроля /1,276-1493; 1,281-667; 132-24,36/. К аналогичным выводам вынуждены были уже весной 1933 г. приближаться и некоторые политики правящего большинства. Так, О.Чемберлен признавал, что используемые Англией методы сближения четырех держав в отличие от Локарнского процесса вызывают лишь всеобщую тревогу.

37. Оно оправдывалось государственными деятелями /162-232/ и историками-"ревизионистами" тем, что сложившиеся в послелокарнский период обязательства Англии в Европе и мире и без того, неизмеримо превышали ее реальные возможности. Не углубляясь в разбор аргументов и количественных данных, приводимых западными историками /263-70-120; 232-17; 317-223-225/ (во многом эта задача решена работами С.Г.Десяткова /210;211; 212; 213/) следует отметить, что в начальный период национал-социалистической диктатуры последовательное проведение Англией политики коллективной безопасности не предполагало ее участия в масштабных военных операциях.

Поддержание французской политики безопасности, отмечал посол Великобритании в Вене У.Селби осенью 1934 г, не требует столь больших жертв, как считает общественное мнение, и вполне по силам стране /50-148/. См. также: /24-102/.

С другой стороны, следование этой политике уменьшило бы шансы оказаться в одиночестве перед лицом агрессоров, как это случилось позднее.

38. Весной 1933 г. это особенно проявилось в неприятии Англией (вместе с Германией и Италией) советского предложения об определении агрессии, которое в принципе поддержали Франция, государства Малой Антанты и некоторые другие.

39. Это подчеркивал и одновременно состоявшийся обмен нотами между французским МИД и послами Чехословакии, Румынии и Югославии /202-28/. Пресса Бивербрука подвергла правительство Макдональда нападкам за отсутствие в парафированном тексте гарантий ревизии мирных договоров /330-262/. См. также: /337-399/.

Несколько иначе расставлены акценты З.С.Белюсовой, детально исследовавшей участие Парижа в переговорах по пакту /194-140/. Автору ближе оценка Е.Варги /83-1933,5/6-21/.

40. В июне-сентябре использовать пакт четырех держав как механизм разоруженческих перегово-

ров настойчиво предлагала Италия, поддержанная Рузвельтом /281–67/. Эта инициатива была парализована нежеланием Берлина оказаться перед диктатом трех держав. Англия отнеслась к ней без энтузиазма и заявила, что переговоры пяти государств при посредничестве А.Гендерсона более предпочтительны /330–287-288; 11,5–634-635/. Летом 1933 г. вследствие ожидания финансового краха в Австрии и множившихся инцидентов на ее границе с рейхом, встал вопрос о помощи Вене. Канцлер Дольфус просил Запад использовать для нажима на Германию "пакт четырех" /347–51; 171–26; 54–455/. Англичане согласились с предложением Франции, адресованным Лондону к Риму выступить с совместным предостережением Германии /11,5–457,465/, но Муссолини отклонил его и посоветовал партнерам действовать в одиночку /11,5–467-468/. Кабинет решил воздержаться от такого шага /11,5–584/.

В вопросе о воздушных вооружениях Германии Форин Офис счел многостороннюю акцию нецелесообразной. Представление Германии о нарушении Версальского договора было сделано в конце июля от имени одной Великобритании /11,5–455-457,462-463/.

"Пакт четырех" был ратифицирован лишь Италией (31 августа) и Великобританией (16 сентября) /330–290/.

41. Комментируя слухи о возможности оставления Германией женевского форума, Саймон указывал на то, что "в дополнение ко внутренним трудностям Германия чувствует внешнюю изоляцию, возможно, большую, чем когда-либо после подписания Версальского договора" /11,5–642/. См. также: /1,235–873; 11,5–679; 217–226/.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ II

1. Другим внутривнутриполитическим фактором, побудившим кабинет ускорить подготовку конвенции о разоружении, являлось резкое оживление пацифистских настроений в обществе. Оно впервые проявилось при избрании А.Гендерсона в парламент в августе 1933 г., после чего оппозиция стала все чаще использовать неудачу разоруженческих переговоров для атаки на правительство. В конце октября 1933 г. – феврале 1934 г. "национальное правительство" потеряло мандаты в 8 из 9 округов, где проводились дополнительные выборы; сдвиг в пользу лейбористов составил более 1/5 электората /180–745-746/.

2. На его заседании 2 ноября выполнение просьбы германского посла о встрече с премьер-министром было сочтено нецелесообразным.

3. Содержание беседы не вполне ясно. Английские и германские источники указывают даже различную дату ее проведения – 9-10 либо 15 ноября. Известно, что обе стороны побуждали друг друга выступить с новой инициативой по ограничению вооружений /12,2–106/. Согласно М.Джилберту и Р.Готту, Макдональд сообщил немецкому послу о наличии у него "плана разрядки", "о котором английский кабинет ничего не знает": Гитлер должен приехать в Англию /292–38/.

4. Возможность схематичного восстановления неофициальных переговоров конца 1933 - начала 1934 г. появилась сравнительно недавно благодаря изучению британскими историками личных бумаг Дэвидсона и Макдональда. См.: /180–748-752; 179–756-757; 36–399-401/.

5. Автор счел излишним подробно излагать ход переговоров января-апреля 1934 г. и позиции их участников. Эта тема хорошо изучена историками. См.: /264–75-79; 288—100-110; 337–380-382/.

6. Неясно, осуществлялись ли тайные контакты между Гитлером и верхушкой британского правительства лишь через Теннанта и Риббентропа, какую роль играл в них аппарат Форин Офиса и многое другое. Имеются указания на то, что некий барон В. Де Ропп – служащий британской разведки и знакомец А.Розенберга – выполнял аналогичные функции в 1933-39 гг. /378–166/. В немецких документах упомянут и старший офицер королевских воздушных сил В., в 1934 г. якобы встречавшийся с Гитлером для переговоров /353–139/. Возможно, речь идет об одном человеке. Вторая крупная попытка устроить встречу между Гитлером и главой кабинета была предпринята

Риббентропом и личными друзьями Болдуина Т.Джонсом и Дж.Доусоном в мае-июле 1936 г. /43–196-202; 216–8; 227–220; 242; 249–8/. См. также интересную гипотезу В.К.Волкова /202-114-116/.

7. См. также заявление Болдуина на заседании Правительственного комитета по разоружению 28 марта 1934 г. /180–754/. Если Саймон и Болдуин верили в возможность принятия Францией обривших их условий, то это свидетельствует ярчайшим образом о тупике, в котором оказался Лондон.

8. Толчком к их созданию (наряду с омрачением международной обстановки) явился доклад Комитета начальников штабов от 12 октября 1933 г., призвавший кабинет "обратить внимание на скудость средств" Англии для выполнения ею своих европейских и глобальных обязательств, тогда как военное вмешательство на континенте для противодействия Германии может понадобиться уже через 3-5 лет /307–108/.

9. Перипетии этой важной дискуссии исследованы Н.Гиббсом, Э.Педеном, К.Ростоу, К.Мидлмасом, Д.Барнсом, Д.Маркандом, М.Хауардом и затрагиваются в очерках Ф.Д.Волкова /205–314-315/.

10. Первые шагом в этом направлении стала речь лорда-президента 8 марта. Он обещал парламенту, что Англия не уступит в воздушной мощи ни одному государству, чьи бомбардировщики способны достигать ее берегов /1, 286–2077-2078/.

11. См. также материалы, привлеченные Р.Янгом /381–54,72/. Неудовольствие французской нотой проявлял, кажется, лишь А.Иден, что может быть объяснено его вовлеченностью в переговоры февраля-марта и личной неприязнью к Барту /333–8/. Ср. /264–79/. Интересно также отсутствие в ходе парламентских заседаний каких-либо выпадов против ноты 17 апреля.

12. Французское правительство ссылалось в особенности на опубликованный 28 марта бюджет правительства Германии на новый финансовый год, увеличивавший ассигнования на военные цели в полтора раза /142,2–25-26/.

13. Восприятие британской политической элитой общественной системы СССР в те годы – самостоятельная проблема. Удовлетворительного решения ее, несмотря на очевидную важность, учеными до сих пор не предложено. Лишь отдельные западные историки соглашаются с принятым в советской историографии тезисом о преобладании классовой ненависти к СССР в отношении к нему руководителей Англии (М.Джордж, Э.Ротштейн), другие оценивают этот фактор более осторожно (Н.Томпсон, Б.Рок, М.Хауард) или фактически абстрагируются от него. Доказательства, приводимые сторонниками упомянутого тезиса, либо являются косвенными свидетельствами, либо относятся ко второй половине 30-х годов, либо построены на искажении действительной позиции политических деятелей (особенно не повезло в этом отношении лорду Лотиану). Неполное знакомство с источниками по этому вопросу позволяет думать, что в 1934-35 гг. буржуазные круги воспринимали Советский Союз преимущественно как по-азиатски преодолевающего свою азиатчину гиганта, вдохновляемого ложными доктринами, но эволюционирующего к либеральной западной модели, постепенно переносящего свое внимание с целей глобального переустройства на решение внутренних задач. Р. Ванситтарт в своих мемуарах не поспешил на обличения сталинской России. Завершаются они честным напоминанием: "но мы находились под впечатлением пятилетних планов и отыскивали больше оправданий для ОГПУ, чем для гестапо" /53–460/. Во всяком случае, стимулируемый столь разнохарактерными событиями как челюскинская эпопея, мужественное поведение Г. Димитрова, интервью Сталина У. Дюранти, сдвиг общественного мнения Англии в пользу СССР в первой половине 1934 г. не вызывает сомнения. См.: /238–139; 88–1934,5–618-619; 5,17–35, 168, 291/.

14. "Не только в Форин Офис, но и в гораздо более широких правительственных, политических и деловых кругах в настоящий момент господствует большая тревога за завтрашний день на Даль-

нем Востоке", в них "уже нет никаких иллюзий насчет того, чего хочет японский империализм", сообщал полпред НКВД 11 мая /5,17–329/. Справедливость этой оценки в основном подтверждается материалами заседания кабинета 25 апреля 1934 г. /11,20–218/. См. также: /5,17–796; 83–1934,5-5-10/.

15. Ход переговоров весьма полно раскрыт в исследованиях З. и К. Коутс, Ф.Д. Волкова, В.И.Попова, В.Я.Сиполса и др. и отражен в мемуарах Саймона, Ванситарта, Сесилия. Особое значение имеют воспоминания И.М.Майского. Его выводы, принятые советскими историками, в целом выдержали проверку временем.

16. Дело "Метро-Виккерс" заслуживает специального исследования. Несмотря на обилие опубликованных источников, окончательного суждения о его сути невозможно вынести до привлечения новых материалов. Ряд важных обстоятельств не позволяет сводить этот эпизод к "реву дряхлеющего британского льва" /248–79/. Некоторые из них рассмотрены в работе Дж. Хаслама, другие затронуты в депонированной статье "Великобритания и генезис "пакта четырех" 1933 г." Американский историк высказал предположение, что англо-советский конспект возник вследствие роста противоречий во внешней политике СССР весной 1933 г. /500–16-19/.

17. Часть из них была разрешена в ноябре 1934 г. /5,17–664/, другие - в ходе визита Э.А.Шеварднадзе в Лондон в 1987 г. Временное торговое, соглашение 1934 г. оставалось в силе свыше полувека.

18. Сразу по завершении переговоров с А. Иденом Гитлер провел совещание с руководителями рейхсвера и СА. Он высказал убеждение в том, что Запад не позволит завоевания "лебенсraum" на востоке и, "следовательно, могут потребоваться короткие решительные удары на запад, а затем на востоке" /271–225/. В апреле 1934 г. Берлин принял решение о создании обладающего всеми видами вооружений трехсоттысячного рейхсвера к будущей весне.

19. Не затрагивая предыстории многосторонних переговоров по Восточному пакту, отметим, что первые беседы представителей СССР и Франции о желательности союзных отношений между ними относятся к июлю 1933 г. /314–53; 5,18–277/, а не к октябрю, как полагает большинство историков.

20. См. /344–55-56/. Первое упоминание о "Восточном Локарно" в опубликованных документах Форин Офиса относится к концу октября 1933 г., когда в беседе с Э.Фиппсом французский посол в Берлине высказал мысль о неосуществимости конвенции о вооружениях без заключения такого пакта. Если то было не личное мнение А.Франсуа-Понсе, а зондаж позиции Англии, то он оказался безрезультатным /11,5–726/. См. также: /194–158-159/.

21. "Мы ничего не слышали о предложении русской гарантии Локарно", – ответил госсекретарь Хешу /11,6–747/. "Сэр Джон Саймон оказался не в курсе конфиденциального сообщения, сделанного Идену", – сообщал Барту Корбэн /10,6–708/. Между тем неделей ранее советский дипломат М.И.Розенберг получил от политического директора МИД Франции Баржетона утвердительный ответ на вопрос, был ли сообщен Идену "проект советско-французского договора" /10,6–660/. Вероятно, сами французы запутались в сложной игре, которую вел с английскими представителями Л.Барту. См. также: /344–48/.

22. Рассматривая варианты пакта безопасности в первой половине 1934 г., Англия столкнулась с демагогическим призывом Германии к общеевропейскому (и даже более широкому) договору. Не что сходное она уловила в предложении СССР о постоянной конференции мира /249–53-54/. Эти инициативы заставляли вспомнить концепцию Женевского протокола 1924 г. В 1934 г., как и в 1925 г., правительство Болдуина предпочло иной путь. Выступая 30 мая в Генеральной комиссии конференции по разоружению, Д.Саймон заявил, что, по мнению его правительства, "в ограниченном принятии гарантийных обязательств по типу Локарнского договора" заключена "большая

практическая ценность", нежели в охватывающих весь мир гарантиях /11,6–725/.

Л.Лафор высказал мысль, что "после возвышения Гитлера британская политика в Европе сосредоточилась на попытках распространить этот принцип (Локарно - О.К.) на восточные границы Германии" /323–116/. Это утверждение, полемически заостренное, не было обосновано американским историком, а дополняющие его соображения сомнительны /323–117,140/. Критику тезиса Лафора см. /385–27/. Представляется, что в нем все же больше истины, чем в господствующем в советской (отчасти – и в зарубежной) историографии тезисе об отрицательном отношении Англии к существованию тогдашних франко-советских планов.

23. Уже осведомленный о позитивной реакции Форин Офис на его предложения, Л.Барту накануне поездки в Лондон продолжал ожидать сильного сопротивления со стороны британского правительства /156–131; 61–24; 10,6–716-717,720; 288–118/. В недопонимании многими современниками и историками действительной позиции Англии в июне 1934 г. следует, вероятно, искать истоки легенд о необычайном дипломатическом мастерстве Барту на лондонских переговорах. Думается, к июлю 1934 г. он немало сделал для усиления подозрительности в отношении Восточного Локарно у англичан (и поляков, добавляют некоторые историки /360–135,136,163/). См. также: /13–179/.

24. Кабинет окончательно утвердил увеличение королевских воздушных сил на 41 эскадрилью (33 из них – для "отечественной обороны"; всего – 820 боевых самолетов) в течение пяти лет 18 июля (парламент узнал о нем 15 июля). Однако этот шаг был предпринят несколькими неделями ранее. Он имел четкую антигерманскую направленность /1,292–1273-1275; 180–772-774; 343–119,123; 290–107/.

Британская разведка, деятельность которой ныне оценивается невысоко /372–261/, к началу июля подучила точные данные о принятом в мае решении Гитлера по расширению рейхсвера до 300 тыс. человек к весне следующего года /284–66; 10,6–1006-1009/. Тревога в Лондоне еще более возросла /10,6–1006/.

25. С 1930 г. в двусторонних отношениях сохранялось положительное сальдо баланса по выплатам всех видов в пользу Германии. С отменой репараций оно увеличилось вдвое /88–1934-1454/. См. также ноту Д.Саймона германскому посольству от 20 июня 1934 г. /13-255-260/. Как глава государства, так и глава правительства (симпатии которых к Германии были хорошо известны) выразили в беседах с Хешем 21 и 23 июня свою горечь по поводу создавшегося положения /12,3–51,70-72/.

26. В конце июня – начале июля после теплого приема Вейгана в Лондоне военный министр лорд Хэйлшэм и начальник имперского генерального штаба во главе делегации посетили места сражений мировой войны во Франции, Болдуин отрицал политический характер этих визитов /1,291–2206/, но то было лукавство /288–117,119; 180–769; 179–760/. Об отрицательной реакции на них германского посольства в Лондоне см.: /12,3–105,113/.

27. К концу июня 1934 г. обе стороны достигли соглашения о направлении в Москву британского воздушного атташе (в дополнение к военному) и первого в истории их отношений советского военного атташе В.К.Путны в Лондон /5,17–464; 265–112/. Тогда же советские летчики во главе с начальником ВВС РККА. Я.Алкнисом приняли участие в британской авиационной выставке и параде. Их визит, по оценке И.М.Майского, "пробил первую брешь в стене, стоявшей до сих пор между нами и английскими военными кругами" /5,17–465-466/.

28. См. также /185–230; 137–261; 84а–1934,2–217/. Влияние событий 30 июня на английскую политику отмечалось многими дипломатами /5,17–442; 5,18–73; 12,3–147, 196; 10,6–1027/ и исследователями.

Пессимизм англичан относительно сотрудничества с немцами позднее был подкреплён известиями о нацистском путче в Вене 25 июля 1934 г.: нацистский террор впервые вышел за пределы германских границ. Мировое общественное мнение считало (вероятно, ошибочно: /339–124-133; 66–167-168/), что Гитлер несет прямую ответственность за убийство "маленького

канцлера". "Я был рад услышать, что Муссолини передвигает войска. Это единственная вещь, которую немцы понимают", – записал в дневнике Н. Чемберлен 28 июля 1934 г. /173–253/.

С начала осени недоверие британской элиты к попирающему общечеловеческие нормы режиму подогревали сообщения о насильственной унификации протестантских церквей и конфликте рейха с католиками. Меры властей, докладывал в сентябре временный поверенный Бисмарк Нейрату, являются "главным источником раздора в англо-германских отношениях" /12,3–425/. На Вильгельмштрассе не оставляли без внимания обращений из Лондона, но на протяжении сентябрь-октября 1934 г. усилия Нейрата сгладить возникшие на религиозной почве трения не находили понимания ни у рейхсканцлера, ни в британских полуофициальных сферах /12,3–417,478–480/. Летом 1934 г. заглохла деятельность созданной полугодом ранее и объединявшей авторитетных общественных деятелей "англо-германской группы" /374–124-127/.

29. Блайт обратил внимание не только на политические события июня 1934 г., но и на совпавшие с ними экстраординарные уголовные происшествия в Англии. Вряд ли стоит вовсе пренебрегать влиянием взбудораживших страну убийств на настроения в правительственных сферах.

30. Предпринятая в мае попытка побудить немцев к заключению нового германо-бельгийского пакта ненападения сразу, же потерпела неудачу /12,3–893-894/. В середине июня Д.Саймон подтвердил, что, призывая Германию к конструктивным усилиям в одной из публичных речей, премьер-министр не имел в виду ничего конкретного /1,291–295/. См. также /179–759-760/.

31. Интересно, что к этим требованиям довольно рано присоединилась "Таймс". "...Британское правительство в последнее время иногда выглядело излишне расположенным доверяться другим, предпочитая, чтобы они брали инициативу в свои руки. (...) Время на изучение обстановки исчерпано. Необходимо проявить инициативу, – говорилось в ее редакционной статье в конце апреля 1934 г. - (...) (Германские. - О.К.) требования растут с каждым месяцем (...) Наступил момент, когда следует не выжидать развития события, а возглавить и действовать" /91–27.04.1934–15/.

32. Уже 13 июля он заявлял французскому послу в Москве, что "полностью согласен со всеми сделанными Вами (Барту. - О.К.) заверениями в отношении беспокоящих англичан вопросов" /10,6–962/. Это обстоятельство, вероятно, не учли в своих оценках британской позиции В.И.Попов /238–166/ и И.Д.Овсяный /236–77-78/.

33. Решающую роль Великобритании в изменении итальянской позиции практически единодушно признают как мемуаристы, так и историки /72–297-299; 360–152; 378–136; 227-46-48/. См. также: /252–82/. Несколько иного мнения придерживается В.Я.Сиполс /248–187-189/.

34. "Итальянское правительство следует только проинформировать и успокоить...", – говорил госсекретарю Л.Барту /11,6–819/. См. также /10,6-945/. Заявления о целесообразности участия в пакте государств Прибалтики были сделаны английскими посланниками в их столицах также по инициативе Форин Офис /11,6–839/. Об эффективности британского воздействия на позицию Эстонии и Латвии см. /15,1934,1–506; 344-78/.

35. См. обмен мнениями по этому поводу между Барту и германским послом Кестером /12,3–196/ и заявление Хеша Саймону /12,3–200/. активность Англии в поддержке Восточного Локарно вызвала явные затруднения у историков, полагавших, что она отнеслась к проекту враждебно. См. /238–166; 360–149,151; 356–194/.

36. Как справедливо заметил И.Д.Овсяный, "в очень деликатной форме" рекомендация подчинить действие регионального пакта решению Совета Лиги была высказана госсекретарем еще на лондонских переговорах /236–75/. Повторно английское требование было доведено до А.Леже 25 июля. Генеральный секретарь МИД немедленно согласился с мнением Саймона /11,6–873/. Иной была позиция советского руководства /12,3–111-112/.

37. Ср. /236-84/. По всей вероятности, состоялись также секретные беседы представителей Форин Офиса с антинацистски настроенным Л. фон Хешем, который в конце июля осторожно рекомендовал ШЗД прислушаться к намекам англичан на возможность реализовать требования меморандума Германии от 16 апреля 1934 г. в случае ее согласия с принципами Восточного Локарно /12,3-249-250/. В том же духе был выдержан один из абзацев заявления лорда-президента совета 30 июля /1,292-2330/.

38. Американские историки А.Фэрниа /288-116/ и Д.Скотт /356-195/ не без оснований полагали, что для Барту приглашение Германии к участию в пакте являлось лишь тактическим ходом. Сомневался в его искренности Ю.Бек /64-70/ и, вероятно, Д.Саймон /357-293/. Ср. /381-72/.

39. Историки осторожны в оценке шансов на привлечение Германии к Восточному Локарно летом 1934 г. Отношение к нему в правящих кругах было тесно связано со спорами о темпах и методах ремилитаризации /12,3-214-216; 346-33-34/. Серьезный комплексный анализ, этих вопросов отсутствует, не может его предложить и автор. Материалы по ним см.: /12,3-316-317; 11,12-28,131; 10,6-756-757, 778-779; 64-27; 344-86; 314-70; 377-329-331/.

В середине июля, по свидетельству посла РП в Риме Высоцкого, британский досол Э.Драммонд, "преодолев свою обычную сдержанность" просил его "натесать министру Беку, что появилась, быть может, последняя возможность заключения конвенции о вооружениях и об ее деления столь важной для всей Европы безопасности" /72-301/. Худшего аргумента в пользу Восточного пакта, чем легализация перевооружения Германии, придумать для поляков было невозможно /360-169; 10,6-877,929/. Между тем Драммонд, в 1919-1933 гг. занимавший пост генерального секретаря Лиги наций, прекрасно ориентировался в европейских делах. В этом эпизоде проявилось, думается, бессилие британской дипломатии отыскать убедительные для Варшавы новые доводы.

40. 27 августа Д.Саймон вновь пригласил временного поверенного в делах Польши, которому заявил, что английское правительство в ближайшие дни "было бы заинтересовано в получении некоторых сведений о позиции Польши, которая, как оно надеется, спустя не долгое время выразится в благоприятном ответе авторам схемы (Восточного Локарно. - О.К.)" /11,12-49/, См. также: /11,12-48/.

42. Полякам предстоит убедиться, что "политика равновесия" – "гораздо более трудное гимнастическое упражнение, чем они полагают, - иронизировал помощник постоянного заместителя министра иностранных дел О.Сарджент в сентябре 1934 г. - Великобритания, более чем любая другая европейская страна, обладающая качествами, необходимыми для проведения этой трудной политики, сочла в последние годы нужным отказаться от нее; там, где потерпела неудачу Великобритания/ вряд ли достигнет успеха Польша". "Очень верно", – откликнулся Ванситтарт /11,12-119-120/.

43. Военный атташе в Варшаве Рауэн докладывал в июле в Лондон, что правительство Польши не может согласиться на пакт, предусматривающий пропуск войск Германии или СССР через свою территорию. Это "вызвало бы отвращение у каждого поляка" /344-81, 91/. См. также: /170-52; 64-19, 34/. Советская дипломатия до конца сентября 1934 г. воздерживалась от обсуждения с Польшей проблем Восточного пакта (подробнее см. главу IV, § 2). Мысль Рауэна о необходимости исключить из условий Восточного пакта обязательность пропуска войск его участников была высказана Литвиновым польскому послу лишь в апреле 1935 г. /5,18-269-270/.

44. Из-за недостатка материалов о разрывании конфликта в правящих кругах Германии автор не в состоянии предложить обоснованной оценки позиции Франции, что было бы весьма важно для понимания британской политики. Отметим лишь, что даже в сентябре 1934 г. Нейрат в официальном выступлении среди доводов против участия Германии в Восточном пакте на первое место выдвигал именно отсутствие гарантий признания равноправия в вооружениях и вытекающую из него неспособность страны выполнять обязательства взаимопомощи /13-334/.

45. Показательно также одобрение Болдуином меморандума посла в Австрии У. Селби, получившего от лорда-президента "очаровательное письмо". Согласие с мыслями Селби выразили также бывший постоянный заместитель государственного секретаря и посол в Париже лорд Тирелл и О.Чемберлен /50–34/. Между тем, в датированном сентябре 1934 г. меморандуме Селби предлагал отказаться от постоянного согласования европейской политики с доминионами и предоставить им самим определять свою позицию /50–146/. Это позволило бы Великобритании заявить, "что ее сотрудничество с Францией является абсолютным и та может рассчитывать на него при всех обстоятельствах" /50–148-149/. Такие действия заставят немцев, помнящих уроки первой мировой войны, осознать нереальность своих агрессивных планов. "Год или два такой последовательной политики, – писал Селби в Лондон, – и мы еще сможем сдержать поднимающуюся в Германии волну, – но лишь при этом условии" /50–152-153/, См. также: /36–401/. Призывая освободить Форин Офис от влияния Казначейства, Селби по существу требовал отказа от чрезмерно осторожной экономической и социальной политики /50-153, 6–7/.

ПРИЛОЖЕНИЕ к главе III

1. Важную роль в этом событии сыграло британское руководство. Она достаточно подробно рассмотрена в монографии В.И.Попова /238–138-144/, см. также: /370–581-583/. Отношение Лондона к вступлению СССР в Лигу прошло четыре фазы. До переговоров с Барту англичане полагали, что следует предоставить СССР самому обратиться с просьбой о принятии в Лигу. 13 июля, заявив о поддержке Восточного Локарно, государственный секретарь закономерно декларировал и делание Лондона видеть Советский Союз в составе Лиги.

К началу августа обстановка изменилась в связи с замедлением предварительных переговоров по Восточному Локарно. Москва согласилась на присоединение к Организации вне прямой связи с ними. 3 августа нотой полпредства об этом было сообщено Форин Офис, в тот же день Литвинов конфиденциально сообщил Чилстону, что Советский Союз рассчитывает на приглашение Ассамблеи и обещание постоянного места в Совете /11,7–711; 11,6–896/. Уже через шесть дней Ванситтарт заверил, что его страна поддержит Францию в содействии планам СССР. Если госсекретарь ранее намеревался выторговать у Москвы уступки в области двусторонних отношений, то его постоянный заместитель подчеркнуто от этого отказался и лишь просил не допускать инцидентов, подобно: делу "Метро-Виккерс" /5,17–554-557/. Ванситтарт уклонился от обязательства понудить Польшу к снятию собственных возражений, однако в конце месяца Форин Офис направил представления правительствам Польши, Нидерландов и Швейцарии о желательности-обеспечения благоприятной для СССР процедуры принятия /5,17–580/.

На завершающем этапе переговоров Англия повела себя несколько иначе. Как только на втором секретном заседании Совета Лиги по русскому вопросу Бек известил, что снимает свои возражения, Саймон продемонстрировал, что не желает придавать излишне спонтанного и единодушного характера решениям о посылке приглашения СССР. Его "долгая адвокатская речь", посвященная тому, применено ли во французском тексте статьи I Ковенанта причастие или глагол и, следовательно, насколько возможно выполнение Россией обязательств по этой статье, вывела Барту из себя /64–65; 183–93/. После этого эпизода добившийся своей скромной цели британский госсекретарь лояльно поддерживал линию Барту и Бекеша. Не исключено, впрочем, что Саймон возражал Барту по сугубо личным, а не политическим соображениям. См.: /61–230-231/. Более вероятно, что он брал реванш за чрезмерную уступчивость, проявленную замещавшим его в августе Ванситтартом. Во всяком случае, утверждение Бека, что англичане "с неудовольствием" отнеслись к посылке СССР приглашения, неосновательно /64-650/.

2. О попытке германской дипломатии задержать сближение Франции и СССР путем неофициального предложения ему идеи Северо-Восточного пакта взаимной помощи (без участия Франции и Чехословакии), которое было сделано в конце октября 1934 г. бывшим послом в Москве Надольным, см.: /224—100-101/. Несмотря на беседы Надольного с Сурицем о союзе двух стран, их межгосударственные отношения оставались напряженными /12,3–532-533/. НКГЩ известил французское правительство о германской инициативе /5,17–191/.

3. Так, 27 ноября 1934 г., излагая советскую позицию начальнику IV отдела МИД Мейеру; Я.З.Суриц указывал на участие Германии в Восточном пакте взаимопомощи как на необходимое условие его заключения /12,3–684/.

4. 8 октября 1934 г. Ю.Бек категорически заявил британскому послу Эрскину, что Восточный пакт следует снять с повестки дня /344—92/. Ни Франция, ни СССР не сообщали Лондону о своих дальнейших намерениях, что с неудовольствием отмечал в парламенте Иден /1,293–27-28/. В связи с сообщением "Таймс", что встреча Лавалля с М.И.Розенберга 12 ноября означает возобновление дипломатического наступления инициаторов Восточного Локарно, британскому послу было поручено вызвать французов на откровенность. Из беседы с политическим директором МИД Кларк сумел лишь извлечь сведения о намерении Франции сделать ставку на затягивание пере переговоров с польским правительством "с целью отсрочить возобновление дискуссии с Германией до завершения саарского плебисцита" /11,12–215-216/. В соответствии с намерениями покойного Л.Барту подготовка ответа Франции на польский меморандум от 27 сентября нарочито затягивалась и была завершена только в конце ноября (подробнее см.: /360–178-180/). Тем временем Франция дала понять рейху, что готова пересмотреть условия регионального пакта и заинтересована в германских предложениях на этот счет /12,3–651/.

16 ноября вопрос о будущем Восточного пакта поднял в разговоре с И.М.Майским А.Иден. Посол ограничился заверением, что идея Восточного пакта "нами отнюдь не отброшена". "Идеи, видимо, был очень обрадован моим заявлением, – докладывал Майский НКВД, – и сказал, что он тоже не считает вопрос о Восточном пакте отпавшим". Британский министр обещал содействовать его продвижению при контактах с Беком в Женеве /5,17–680/.

5. Утром того же дня с просьбой оказать давление на Варшаву обратился через временного доверенного в делах Великобритании во Франции А.Леже. Письменное сообщение Кэмпбелла о беседе в МИД Франции было получено на Даунинг-стрит 4 декабря /11,12–283/. Неясно, было ли оно так передано по телефону и Саймон был своевременно уведомлен о просьбе Франции или же он принял решение самостоятельно, познакомившись с ранее присланной в Форин Офис копией французского меморандума Польше от 26 ноября.

Не вызывает сомнения, что, находясь для участия в сессии Совета Лиги в Женеве, Иден выполнил свое обещание повлиять на министра иностранных дел Польши /5,17–593-694/, однако запись их беседы в британской публикации отсутствует.

6. Одна из них состояла в том, что 12 ноября 1934 г. А.Иден в беседе с Риббентропом (Саймон вновь отказался его видеть) уже подтвердил прежнюю позицию Англии и осудил "обструкционистские действия" Германии по срыву Восточного пакта /10,8–85/. Кроме того, официальное представление предполагало готовность Англии вести предметную дискуссию о цене возможных германских уступок, а необходимые для ее решения в Лондоне лишь обдумывались. Труднее оценить отказ от демарша в МИД Польши. Есть основания полагать, что в середине декабря 1934 г. польское руководство приняло решение согласиться на участие в Восточном пакте взаимной помощи при условии допущения его представителя к редактированию текста договора и вхождения в него Германии. Согласно этой гипотезе, январские заявления Варшавы свидетельствовали о том, что она взяла свое согласие назад /5,17–756; 5,18–32; 360–185-186/. Отсутствие аутентичных польских документов в этом случае (как и в отношении других важных проблем) не позволяет историкам прийти к окончательным выводам.

7. Утром 4 декабря французский посол Ш.Корбэн сообщил Д.Саймону предварительный текст протокола и подтвердил, что он означает готовность СССР и Франция заключить двусторонний пакт в случае окончательной неудачи июльское схемы. "Мы по-прежнему заинтересованы, – заявил министр, – в достижении многостороннего Восточного пакта. Если Германия станет его участником, он, несомненно, явился бы ценным вкладом в европейскую безопасность". Из слов Саймона явствовало, что франко-советский договор Англия таковым считать не намерена. /11,12–234-285/. См. также запись беседы Майского с Ванситтартом 13 декабря 1934 г. /5,17–749/.

8. По данным Второго бюро французского генштаба, которое делилось сведениями с британскими разведывательными службами /372–256/, к ноябрю 1934 г. вооруженные силы рейха достигли численности в 290 тыс. человек, а срок службы фактически сократился с 12 лет до одного года /257–368/. См. также: /346–36,43,45/.

9. Непосредственным толчком к ней послужила беседа О.Сарджента с В. Поляковым, располагавши конкретной информацией о планах перевооружения Германии /11,12–147/. Известный в СССР скорее как отец популярной актрисы М.Влади, В.Поляков (1880-1956) играл в то время значительную и плохо изученную политическую роль. Бывший офицер русской армии, он в 1920-1923 гг. являлся корреспондентом близкой к Форин Офис "Дэйли Телеграф", в 1923-1936 гг. – дипломатическим корреспондентом "Таймс", сотрудничая также в "Нью-Йорк Таймс". Незадолго до начала войны (которую Поляков провел на юге Франции под опекой итальянцев) Ванситтарт пришел к убеждению, что он состоит на содержании спецслужб рейха /350–261; 353-137/. Одна из его брошюр (под псевдонимом Авгур) была издана в СССР.

10. Одновременно была утверждена директива об ускорении выполнения июльской авиационной программы. В январе 1935 г. отведенные на ее реализацию сроки вновь были сокращены /180–787-789/.

11. Вызванный для консультаций в Лондон посол в Германии Э. Фиппс разделял пессимизм руководства относительно готовности рейха заплатить участием в Восточном пакте взаимопомощи за легализацию своих вооружений, однако предложенная им схема преодоления создавшегося тупика была отвергнута. Фиппс советовал уравновесить предоставление Берлину равноправия в военной области требованием к нему возвратиться в Лигу и заключить пакты о ненападении с "некоторыми ее соседями", согласиться на увенчание здания какой-нибудь устраивающей общественное мнение Франции комбинацией /11,12–246/. Между тем в Форин Офис понимали, что Франция потребует согласования с нею даже формального протеста Великобритании против односторонних шагов по перевооружению Германии. Не случайно Саймон сообщил послам Франции и Италии о предпринятом демарше лишь пост-фактум, весьма неубедительно сославшись на необходимость для своего правительства спешить ввиду намеченных на 28 ноября внешнеполитических дебатов в парламенте по внесенному запросу /11,12–262-264/. Кстати, запрос в палате общин относительно шагов, предпринимаемых кабинетом для противодействия ремилитаризации рейха, был внесен не оппозиционными партиями, а консерватором У. Черчиллем, общественная репутация которого к тому же в 1934 г. упала до самой низкой точки за всю его политическую карьеру /166–126/. Еще 24 ноября У. Черчилль направил лидеру партии изложение своего выступления /350–24/.

26 ноября 1934 г. кабинет согласился с мнением Комитета по перевооружению Германии, что окончательную позицию Англии "было бы бесполезно сформулировать" и "исключительно опасно объявлять о ней" /350–31/, см. также /350–22, 26/. Трудно поэтому с полным доверием, отнестись, к суждениям современников /350-40; 12,3–676/, связывавшим всплеск внешнеполитической активности правительства в двадцатое числа ноября, с парламентским запросом. Более того, хорошо известны дружеские отношения между У.Черчиллем и Р. Ванситтартом, причем последний, не раз пренебрегал обязанностями гражданского служащего, передавая бывшему министру секретную информацию. Не исключено, что попытка путем внесения запроса о вооружениях Германии поощрить правительство Англии к более решительным шагам зародилась именно в правительственном аппарате (подобно тому, как четыремя месяцами позднее Хэнки, Ванситтарт и Фишер старались добиться, сходной цели подготовкой Белой книги).

12. Комментируя: выступление Саймона, временный поверенный в делах Великобритании во Франции обратил внимание А. Леже на то, что хотя оно "ни в коей мере не являлось прямым приглашением Германии возобновить переговоры, оно тем не менее породило новую ситуацию, ибо правительство его величества впервые столь недвусмысленно публично высказалось "в осуждение одностороннего перевооружения Германии" /11,12–282/. Дипломатическая переписка позволяет выделить и иной аспект заявлений 28 ноября – расположенность Лондона к признанию

.ремилитаризации свершившимся фактом /1,295–872, 874–875/. "Если одно из ведущих возражений Великобритании сводится к тому, что о состоянии"германского перевооружения невозможно узнать ничего достоверного, то, полагаю, такое возражение скорее приветствуется начальником генерального штаба германской армии", – писал в донесении МИД Польши ее посол в Берлине /65–162/. В Германии полагают, сообщал в те дни Э. Фиппс, что состоявшиеся дебаты легализовали ее вооружения /11,12–281/. См. также: /350–45; 332–11/. Британской дипломатии пришлось в полуофициальном письме (частное письмо Э. Фиппса Нейрату 17 декабря 1934 г.) протестовать против истолкования немецкой печатью парламентских заявлений 28 ноября. "Мое правительство, – напоминал посол, – не признает права любого государства, подписавшего Договор, освобождать себя от обязательств без предварительного соглашения с другими поставившими свою подпись державами" /11,12–338-339/.

13. На основе бесед с премьер-министром и руководителем Форин Офис советский посол в Лондоне пришел к выводу о наличии у англичан определенного плана ведения переговоров: "Англия и Франция признает, если не де-юре, то де-факто, уровень германских вооружений, а Германия возвращается в Лигу наций и принимает участие в Восточном пакте"; в процессе переговоров британское правительство проявит готовность к уточнению исходных условия соглашения и постарается "наладить какой-либо компромисс (который, впрочем, возможно, будет значительно отличаться от нынешнего плана)" /5,17–724/. Одновременно В.Поляков сообщал в Берлин Э. Фиппсу: заявления правительства вызваны внутривластными соображениями; оно действует, "в действительности не располагая вообще никаким определенным планом" /350–40/. Истина лежала посередине /180–790/. См. также заявления Саймона и Болдуина /1,295–380,885/.

14. Как упоминалось выше, решения о форсировании переговоров в Москве и Париже были приняты несколько ранее акции Лондона. Однако ее влияние вполне прослеживается в заявлении Лавалля 30 ноября германскому послу Кестеру. Министр, опровергая сложившиеся в Германии представления о нем, указал, что совершенно согласен с взглядами Барту на Восточный пакт и считает, что с его заключением необходимо спешить. Кестер отметил, что несколькими днями ранее Фланден высказался в беседе с ним против ускорения хода переговоров по пакту /12,3–707-708/.

15. Благодаря ему в декабре 1934 г. Английский банк предоставил немцам кредит на 750 тыс. ф. ст., которые по некоторым данным были полностью использованы для закупки военного снаряжения /1, 304–584/. Соглашение, хотя оно и было подписано британским послом, было подготовлено финансовыми органами в обход Форин Офис, так что Ванситтарт к сотрудники Центрального отдела не имели возможности высказать своего отрицательного мнения о договоренности. Руководитель секции экономических отношений Форин Офис Эштон-Гваткин и экономический советник кабинета Лейт-Росс разделяли мнение Н.Чемберлена, что улучшение финансового положения Германии будет способствовать смягчению ее внешней политики /332–19-20; 11,12–179/. Соглашение относительно торговых операций, не затрагивавшее накопившихся коммерческих долгов, было достигнуто представителями двух стран еще в середине августа 1934 г. /11,12–8/.

16. Осудив жестокости, совершенные 30 июля, авторитетный историк Дж.-М. Гэторн-Харди добавлял: "Угроза европейскому миру со стороны собственно нацистской политики очевидна, но сдерживающее влияние, которое оказывает на своих сторонников облеченный правительственной ответственностью герр Гитлер вносит в эту ситуацию проблеск надежды" /131–341/. Эти строки написаны в октябре 1934 г. "Режим в целом стал умереннее, – писал месяцем позже своему коллеге Сардженту Э. Фиппс из Берлина, – голос Геббельса почти смолк, дикари расстреляны, баланс правых и левых поддерживается весьма искусно. Пожалуй, можно сказать, что страной сейчас управляют обычные чиновники-профессионалы под благожелательным присмотром Гитлера" /332–9/. См. также: /10,6–1027; 185–230/. Продиктованная социальными воззрениями и кругозором британской элиты ошибка относится, на наш взгляд, к числу тех малозаметных сдвигов в политической ориентации Лондона, которые подталкивали Европу к войне в неменьшей степени, чем его громкие изменения 1938 г.

17. Присоединение к рейху области, на долю которой в конце 30-х годов приходилось 14 % общегерманского производства чугуна, 12 % стали, 8 % добычи каменного угля, существенно укрепляло материальный потенциал агрессивной политики. Именно эти соображения оказались ведущими при определении судьбы Саара, после второй мировой войны /232–54/; по отношению к рассматриваемому периоду их также не стоит сбрасывать со счетов. Однако главный смысл саарского голосования на рубеже 1934–1935 гг. находился в морально-политической области.

18. Победа нацистов впечатляла тем более, что плебисцит проводился в области со смешанным населением, католическим влиянием, демократическими институтами, при значительной свободе агитации и в присутствии английских и нидерландских наблюдателей, что полностью исключало контроль за волеизъявлением саарцев в ходе голосования /135–119/.

19. Другим фактором, побудившим Лондон согласиться с германскими требованиями, явилось, как представляется, заявление Риббентропа Саймону в ходе его визита в Англию в середине ноября. Британские записи и депеши Риббентропа содержат недовольство обеих сторон бесплодностью полуофициальных контактов (Макдональд, в частности, встречаться с немецким эмиссаром не пожелал). См. также: /167–130/. Однако, вероятно, что правящие круги не остались глухи к заверению – и одновременно завуалированной угрозе – доверенного, лица Гитлера, что рейх воздержится от организации путча в Сааре, и сочли уместным сделать ответный жест доброй воли /1,293–1939; 11,12–208,224; 12,3–638-639/.

20. Вскоре точка зрения Лондона была доведена и до председателя "комитета трех", занимавшегося саарским вопросом, барона Алоизи.

Достоин внимания, что французские представители последовательно стремились возложить всю ответственность а пересмотр линии Барту на Великобританию /5,18–108; 11,12–218-218/. Игра зашла так далеко, что 20 ноября А. Идену, находившемуся в Женеве, было поручено убедить Лавала в целесообразности "британского" подхода /11,12–225/.

21. Решение направить вооруженные силы в Саар было принято кабинетом после колебаний, по предложению Идена и вопреки мнению Хэйлшэма и Саймона 3 декабря 1934 г. /163–55/. Оно было связано как с желанием закрепить наметившиеся компромисс и обеспечить спокойствие при голосовании, так и со стремлением затушевать возросшую уступчивость в отношении Германии. "Думаю, что страна хочет, чтобы мы проявили большую решимость в международных делах, и это подходящий момент", – признавался друзьям С.Болдуин /172–790/. К британскому контингенту присоединились небольшие силы Голландки, Швеции, Италии.

22. И.Ф.Максимычев справедливо указывает на особую позицию советской делегации, высказавшейся на заседании Совета в пользу признания перспективы повторного голосования. Однако о "четкости" /211–105/ применительно к выступлению М.М.Литвинова 6 декабря вряд ли может идти речь: формально оно было посвящено мотивировке "полного согласия" СССР с теми рекомендациями "комитета трех", "которые основаны на соглашении, достигнутом между обоими заинтересованными народами" /5,17–736/. Столь возвышенная оценка франко-германской договоренности абсолютно не вязалась с обычным стилем Литвинова и его вызывающим отказом десятью днями позже встретиться с Нейратом при остановке в Берлине на пути в Москву /11,12–345/. (Как говорил в конце 1933 г. тогдашнему германскому послу сам Литвинов, "общепринято, что государственные деятели, останавливаясь, в иностранной столице, выражают свое уважение главе правительства и министру иностранных дел" /12,2-16/). Приведенная формулировка, вероятно, являлась данью благодарности Лавалу за подписанный накануне советско-французский (и антинемецкий) протокол.

23. Анализируя аргументацию Нейрата при обсуждении 5 декабря Восточного пакта, посол Польской республики подметил, что министр "обошел молчанием вопрос о равноправии" Германии в вооружениях /65—161/.

24. Это нетрудно было предвидеть: Саймон и руководители французского правительства ожидали ужесточения политики Гитлера после не вызывающей сомнения его победы на саарском плебисците, но не предполагали, что оно будет столь значительным и быстрым. См.: /350–54-55/. После плебисцита, рассчитывал Ванситтарт в конце декабря, наступит короткий период, в пределах которого "определенные и ценные уступки могут еще быть вытребованы у Германии", хотя к весне последняя из Сибиллиных книг Гитлера будет сожжена /332–12/. На деле этот период продолжался менее четырех дней. См. также: /10,8-692/.

25. "Версальские решения были погребены в кабинетах для голосования в Сааре. 16 марта на Вильгельмштрассе состоялась панихида..." – писал современник, английский журналист и правый клерикал Джерролд /126–119-120/. Думается, он был очень близок к истине, чего, вероятно, никогда не понял или не пожелал признать Д.Саймон /351–199-200/.

26. В ходе мимолетной беседы с английским послом 16 января Бюлов повторил, что Германия не намерена заключать многосторонние пакты и возвращаться в Женеву, а когда посол поинтересовался, каким же образом Германия рассчитывает получить уступки, в сфере вооружений, он "цинично ответил, что она ничего не желает, так как уже получила их" /11, 12–356/. В Форин Офис не сразу придали должное значение телеграмме Фиппса.. "Таймс" 16 января, опубликовав фотографию застывшей в нацистском приветствии огромной толпы в Саарбрюкене, сопроводила ее комментарием, что победа Гитлера "облегчит ему следование политике умеренности" /91—10.01.35–10/.

27. А. Фэрниа полагал, что политика английского правительства к концу осени 1934 г. "достигла стадии, которая гложет быть названа прелюдией к "коллективной безопасности" /288–128/. По мнению автора, в это время как раз появились важные признаки того, что эта стадия, достигнутая летом 1934 г., остается позади. См. также: /13–360/.

28. Решение было принято Кабинетом 12 декабря /350–49/. Саймон объяснял перемену британской позиции тем, что правительство смогло обсудить проблему германских вооружений, международная ситуация в промежутке между 7 и 13 декабря улучшилась. Дело, вероятно, заключалось в том, что к середине декабря английские руководители оценили возросшую самостоятельность и активность французской политики – потепление отношений с Германией, подписание Женевского протокола и торгово-кредитного соглашения с СССР, подготовку переговоров с Муссолини – как нечто требующее их вмешательства и контроля. Возможно, что уже тогда в Лондоне пришли к убеждению, которое в начале января 1935 г. Сайгон высказал Хешу: "Пришло время попытаться склонить Лавала к уступкам... Дух Барту не царит более в кабинете Фландена-Лавала, и эту возможность нужно использовать" /12,3–797/.

29. Этого нельзя сказать о предшествующем (утвержденном Кабинетом 12; декабря) варианте. См.: /350-48-50/.

30. 19 декабря, сразу после заседания, правительства, лорд-хранитель печати встретился с немецким послом. Указывая фон Хешу на предпочтительность для обеих стран многостороннего пакта взаимопомощи перед франко-советским союзом, Иден не настаивал на обязательном участии Германии в Восточном Локарно. "Вопрос состоит в том, – говорил А. Иден, – что если Германия будет и дальше возражать против Восточного пакта, должно быть найдено нечто иное, дающее Франции дополнительную безопасность. Германии следовало бы рассмотреть, не могла бы она внести такое практическое предложение по изменению идеи Восточного пакта, которое могло бы удовлетворить потребность Франции в безопасности в такой же степени, как и первоначальный проект" /12,3–751/. Создавалось впечатление, что судьбы Восточной Европы Англию более не волнуют и она согласна признать гегемонию Германии в этом регионе.

31. Отправной пункт французской политики по-прежнему был формально противоположным британскому. Рисуя 13 декабря 1934 г. Кларку "общую концепцию внешней политики, которую он

намерен проводить", Лаваль на первое место ставил соглашение о неприкосновенности австрийских границ, на второе – Восточный пакт. Если оба плана осуществляются при участии Германии, Франция, обещал Лаваль, предварительно договорившись с Великобританией, согласна пойти на переговоры общего характера о германских вооружениях /11,12–322-323/.

Шансов на реализацию такая программа, разумеется, не имела и была сообщена в Лондон, вероятно, из тактических соображений. 22 декабря Фланден и Лаваль, однако, дали Саймону заверения, что нота 17 апреля более не выражает политики Франции /350–55/.

32. В конце 1934 - начале 1935 г. английская дипломатия продолжала поддерживать сближение Франции и Италии. См.: /170–53-54; 350–30; 142–116/. В декабре руководители французского правительства просили Саймона помочь им договориться с Муссолини /350–55/.

33. Так, 18 января "на большом совещании у Лавала" с помощью министров иностранных дел, Румынии, Югославии, Турции, Греции, М.М. Литвинов добился от французского политика обещания, что Франция выдвинет необходимость Восточного пакта на первый план и – для обеспечения согласия Англии поддержать его и впредь – пригрозит оформлением прямого франко-советского договора взаимопомощи /5,18–33-35/. 22 января Фланден сообщил британскому поверенному в делах, что "готов согласиться почти на все при условии, что правительство его величества гарантирует немедленную помощь. (Франции) в случае нужды" /11, 12–418/. На следующий день премьер перечеркнул свое заявление, указав, что на переговоры с немцами пойдет лишь в том случае, если Англия добьется участия последнего в Дунайском и Восточном пактах и согласится с принципом превосходства французских вооруженных сил над германскими /11, 12-420/. Лаваль же после "большого совещания" заявил наркому, что одет в Лондон "с чистой страницей, на которой англичане что-то должны будут писать" /5,18–36/. Неудивительно, что советский нажим на Лавала продолжался, а в Форин Офис сетовали на отсутствие у Парика деловых предложений /11, 12 – 408/.

34. Тем самым фактически нарушались решения правительства от 9 и 14 января (см. выше). Для того чтобы обойти структуры Комитета имперской обороны и Правительственных комитетов, в кабинетах которых проект воздушного пакта, вероятно, был бы надолго задержан, если не погребен, Д.Саймон подписал излагавший его меморандум лишь накануне переговоров (31 января) и, пометив задним числом, направил премьер-министру /11,12–447-451; 187 –157-160/. Макдональд, здоровье которого зимой 1934-1935 гг. быстро ухудшалось /179-762/, был плохо, подготовлен к участию в переговорах, и не сумел вовремя обдумать записку Саймона /350–106,116/. Посвященные в замысел Форин Офис (согласованный, надо полагать, с Болдуином), французский посол Ш.Корбэн и В.Поляков встретили Фландена, Лавала и Леже в Дувре, сообщили им (раздельно) о британских планах "воздушного Локарно" и рекомендовали поставить его на переговорах от имени французского кабинета /350–105; 288-136/. См. также: /350–94,96-97/.

35. Приведем еще одно свидетельство – выдержку из предназначенного для членов кабинета меморандума Форин Офис от 23 января. Важность англо-французских переговоров, говорится в документе, состоит такие в том, что они "станут событием, когда правительство или получит дальнейшую общественную поддержку в стране для своих позитивных действий, или же потеряет большую часть того, что уже было завоевано, способствуя впечатлению, что определенная возможность (может стать, последняя возможность) не была эффективно использована" /11,12–407/. Приостановленное летом 1934 г. падение популярности правительства Макдональда-Болдуина возобновилось осенью. С октября 1934 по март 1935 г. оно потеряло, судя по итогам дополнительных выборов, около 1/4 доданных за него в 1931 г. голосов. Едва ли не главным фактором этого процесса являлись неудачи во внешней политике. См.: /180-791-792, 350-21-23/.

36. Для правильного понимания их мотивов уместно вспомнить, что первые подобные поездки они совершили в СССР: Аллен в 1920 г. (в то время он боролся за снятие блокады России /276–29/), Лотиан в 1931 г. (с Шоу и Асторами). В ходе встречи со Сталиным Лотиан уговаривал его официально пригласить в Москву Ллойд-Джорджа /176–123/. В 1935 г. как Аллен, так и Лотиан продол-

жали выступать за развитие политического сотрудничества между Англией и СССР и верили в миролюбие последнего /276–547-548; 91–2.02.1935–16/.

Ранее – в середине декабря 1934 г. – Германию посетил недавний покровитель О. Мосли владелец газетного треста лорд Ротермир.

37. Нейрат, например, отказался от участия в беседе Лотиана и Гитлера /11,12–453/. Многочисленны свидетельства крайне резкой и раздраженной реакции руководителя аппарата Форин Офис Ванситтарта и посла в Германии Фиппса /11,12–453, 505, 513-514/.

38. Содержание беседы Гитлера с Алленом в то время оставалось неизвестным Форин Офис. Р. Ванситтарт не подозревал о прямом контакте по этим вопросам между главой правительства и лордом Алленом. Никогда не возникало даже вопроса о наделении его какими-либо полномочиями, хотя бы неофициально, писал постоянный заместитель министра Э. Фиппсу /11,12–405/.

39. Было бы опрометчиво оценить эти высказывания (безусловно, нелояльные по отношению к Франции) как неспособность или нежелание британских руководителей противиться давлению прогерманских сил. По мнению автора, ключ к пониманию позиции государственного секретаря содержится в опубликованной венгерской исследовательницей Е.Харасты записки Лотиана Саймону от 30 января 1935 г. "У меня такое чувство, что, если бы Великобритания могла достигнуть доверительного понимания с Германией для сохранения мира при равноправии в условиях стабильного положения в течении десяти лет, – писал только что откровенно беседовавший с рейсканцлером Лотиан, – Германия не выдвинула бы непреодолимых возражений против создания системы безопасности для Франции не только в форме Локарно, но и в виде страховочных договоров, которые Франция сейчас предлагает создать в Восточной Европе, при условии, что Германию не будут просить подписать их и что эти договоры будут носить чисто, оборонительный характер. С другой стороны, Гитлер сделал ясным, что он вполне готов к заключению договоров о ненападении со всеми своими соседями. Однако исследование этого аспекта проблемы состоит в том, что Англия и Германия должны обсудить между собой, но это не может быть решено ни между Францией и Германией, ни до тех пор, пока Великобритания только передает Германии предложения, которые уже были согласованы с Францией, Италией и их союзниками" /6–301-302/. Таким образом, высказывания Саймона отражают стремление поддержать якобы возросшую конструктивность немецкой позиции и смягчить факт выработки Англией, Францией и Италией совместной платформы европейского урегулирования. Цитируемый документ показывает также, что позицию лорда Лотиана в тот период нельзя характеризовать как умиротворение Германии, если вкладывать это понятие строгий научный смысл (см. § 2 главы I), а не исходить из обыденного (или публицистического) словоупотребления.

40. С другой стороны, беседуя по возвращении в Москву с британским послом, Литвинов заявил, что если Германия и Польша продолжают упорствовать в критике Восточного пакта, он рассчитывает на материализацию "прямой антанты" между Советским Союзом и Францией. Это был старый, но, как свидетельствует обмен мнений в Форин Офис по поводу депеши Чилстона /11,12–433,440-442/, по-прежнему верный козырь. Однако довод Литвинова был по сути поставлен под сомнение в выступлении Председателя СНК В.М.Молотова на VII съезде Советов 28 января 1935 г. (через три дня после беседы наркома с Чилстоном). С одной стороны, Молотов отрицал, что "препятствием к развитию советско-германских отношений" являются "сверхнационалистические расистские теории о немецком народе как "господине" всего мира", и указал, что истинное препятствие заключается в том, что содержащаяся в "Майн Каймпф" обрисовка отношения к России "повидимому", "остаётся в силе". Весьма двусмысленно прозвучало и утверждение Молотова, "что значение Восточного пакта для всех сторонников мира в Европе понятно. И поэтому, несмотря на имеющиеся пока препятствия и возражения указанных стран (Германии и Польши - О.К.), Советское правительство считает неизменные свое отношение к этому делу". Намека на возможность подписания в случае необходимости франко-советского договора безопасности доклад Молотова не содержал; Франция вновь представлялась наиболее заинтересованной в сближении с СССР стороной /5,18–42,47-48/. Различие между тем, что говорилось в Доме Советов и в особняке на Куз-

нецом мосту, в Форин Офис заметил, кажется, лишь заведующий его Северным отделом Л.Колье. Было бы плохо, писал он в начале февраля Ванситарту, "если бы г-н Литвинов и его политика франко-советского сближения вышли из фавора в Москве" /11,12–433/. Немцы, напротив, по достоинству оценили речь Молотова /346–59/.

41. Великобританию представляли Макдональд, Болдуин, Саймон и Иден, а также секретарь Комитета имперской обороны М.Хэнки, постоянный заместитель госсекретаря Р. Ванситарт и два начальника отделов Форин Офис - О.Сарджент и Р. Виграм. Макдональд с трудом следил за дискуссией. Болдуин, с негодованием отмечал М.Хэнки, вел себя "как увязшая свинья и не произносил ни слова", ограничиваясь созданием непринужденной обстановки – наполнял стаканы водой, раскрывал и закрывал окна и попыхивал трубкой. Это было нелишне: обмен мнениями достигал порой такого накала, что переводчики шли на сознательные искажения, чтобы смягчить реплики сторон. Основным партнером Фландена и Лавалья на переговорах выступал Саймон /187–159; 350–106/.

42. Ванситарт, несколько раз в неофициальной обстановке встречавшийся с Лавалем и Фланденом, оказывал на них соответствующий нажим, побуждая пересмотреть схему Восточного пакта, но французские руководители; "уклонялись от этого вопроса, хотя признавали его существование" /11,12–433/. По некоторым данным, именно Лаваль настоял на точной квалификации Восточного пакта как договора взаимной помощи, заявив англичанам, что в противном случае не может продолжаться переговоров, и пригрозив Фландену своей отставкой /5,18–103/.

43. О проекте заключения Германией, Англией и Францией Дунайского (Центральноевропейского) пакта ненападения и консультаций руководство Форин Офис было информировано Л.Барту в середине сентября 1934 г. 25 сентября английское правительство приняло решение отказаться от участия в возможном пакте о гарантиях независимости Австрии; /11,12–122-123/. При этом Великобритания согласилась на совместное с Францией и Италией заявление, обнародованное 27 сентября, о том, что декларация от 17 февраля 1934 г. о заинтересованности трех правительств в сохранении суверенитета Австрии "полностью сохраняет свое значение и будет и впредь вдохновлять их совместную политику" /11,12–137/.

44. "Наша концепция состоит в том, что нации Восточной Европы, приверженные миру и заявившие о том, должны объединиться для ослабления грозящей им воздушной опасности", – сказал глава французского правительства. Из беседы на ту же тему с П. Лавалем немецкий посол в Париже Кестер вынес убеждение, что Франция стремится окружить Германию с воздуха /12,3–925/.

45. Концепция немедленного оказания помощи подвергавшемуся атаке с воздуха государству предполагала значительные военные приготовления, ориентированные против одного из участников конвенции – потенциального агрессора. Участие Англии в воздушном пакте в этом пункте прямо противоречило ее роли беспристрастного гаранта Рейнского пакта. С этих позиций в феврале 1935 г. начальники штабов подвергли, критике проект соглашения. Возражая им, Форин Офис указывал политическому руководству вопрос следует рассматривать в духе реализма и совершенно очевидно, "что не может быть и речи о присоединении к Германии против Франции и Бельгии" /187–162/.

46. Об этом свидетельствует как общая тональность его выступления 3 февраля (почти целиком посвященного воздушному соглашению), так и прямое заявление на этот счет Л. Хешу /11,12–220-222/.

До конца февраля такой вариант не исключал и Лаваль /356–234/.

47. Вследствие заключения воздушного пакта, говорил С. Болдуин коллегам 2 февраля, "Германия может склониться, к тому, чтобы думать больше о востоке, чем о западе" /350–114/. Это предположение (не указывая источника) почти дословно воспроизвел комментарий "Таймс" /91–6.02.1935–15/.

48. Н. Росту обращает внимание на то, что дискуссия на переговорах была неглубокой. Стороны не попытались обсудить цели и характер германской политики и найти взаимопонимание по этой ключевой проблеме /350-118/.

49. На это обстоятельство не преминул указать Гитлер, принимая от послов Франции и Великобритании текст декларации 3 февраля. Диктатор заявил, что в конце концов Германия будет вынуждена либо отменить существование демилитаризованной зоны, либо потребовать создания аналогичной полосы на территории Франции /12,3–905/.

50. Уже 2 февраля – до завершения переговоров – глава Форин Офис поручил Э. Фиппсу особо обратить внимание Гитлера на это обстоятельство /11,12–486/. То же самое сделал Лаваль в беседе с немецким послом 12 февраля /12,3–925/.

51. Министр иностранных дел Франции уклонился от указания на перспективу франко-советского договора о взаимной помощи в случае провала Восточного пакта в устной форме в ходе лондонских бесед. Объясняя полпреду, почему он не последовал совету Литвинова и примеру Барту, Лаваль сослался на отсутствие соответствующего решения правительства и дал понять, что его сковывало присутствие Фландена /5,18–104/. Как упоминалось выше, французские руководители настаивали на объявлении о возможности иной "антанты" – заключения воздушного соглашения Англией и Францией при любой исходе многосторонних переговоров, чему воспротивилось правительство Макдональда-Болдуина.

52. См. приведенные выше извлечения из меморандумов Форин Офис, относящихся к концу января 1935 г. Росту оценивает эту сторону декларации 3 февраля как акт самообмана англичан /350–119/. Это утверждение, вероятно, должно быть отнесено преимущественно к высшему эшелону власти.

53. Как известно, вначале она была отрицательной /248–234/, однако последующий анализ и разъяснения, данные Лавалем через Альфана и Бенеша, очень скоро побудили Литвинова отказаться от пессимистических выводов относительно программы 3 февраля. "Я был изумлен, обнаружив, что он несколько не раздражен англо-французской декларацией, – сообщал в Форин Офис Чилстон после загородной прогулки с Литвиновым 6 февраля. – Конкретно он заметил, что она представляется ему удовлетворительной в нынешней форме, если уступок Германии более сделано не будет" /11,12–501/. Вероятно, не менее Чилстона были удивлены и руководители центрального аппарата Форин Офис. В меморандуме О. Сарджента от 7 февраля о предполагаемой отношении Советского Союза к лондонской программе содержался прогноз, что Россия сделает "все, что в ее силах, чтобы помешать" ее реализации /11,12–501/.

54. Заявление являлось ответом на просьбы Франции и Англии дать публичную оценку лондонской программы, переданные 17 и 19 февраля Альфаном и Чилстоном. Инициатива обращения принадлежала французской дипломатии /11, 12–524/. Его мотивы были многообразны и связаны с негативной реакцией Берлина, выраженной в ноте от 14 февраля, критическими статьями в советской печати, настойчивостью Литвинова в попытках изъять из лондонского пакета вопрос о Восточном пакте, присоединением 9 февраля к англо-французской декларации Муссолини и др.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ IV

1. На желательность приезда госсекретаря по иностранным делам в Берлин обратил внимание Гитлера лорд Лотиан. Гитлер приветствовал такую возможность. Неясно, было ли предложение Лотиана предварительно согласовано им с Саймоном /344–115/.

2. Хотя демарш 6 февраля был предпринят послами Великобритании и Франции "совместно, Нейрат пригласил их для вручения ответа порознь. Фиппс и Франсуа-Понсе реагировали совершенно

одинаково, указав; что Германии следует вести переговоры о воздушном пакте одновременно со всеми локарнскими государствами /12,3–928; 11,12–512/. Д. Саймон также отверг сепаратные переговоры с немцами /5,18–121/.

3. МИД Германии через посредников известил Лотиана, что вместо первоначальной схемы Восточного Локарно ради сближения с Англией она готова не только подписать серию взаимосвязанных пактов ненападения с Литвой, Чехословакией и Австрией, но и согласиться с заключением "общего Восточноевропейского пакта взаимопомощи" без своего участия /344–118/.

4. В середине февраля руководители правительства начали обсуждение его "реконструкции". Падение популярности кабинета отразилось в серии поражений на дополнительных выборах, взрыве недовольства безработных в январе-начале февраля и, как записывал в дневнике. Д. Саймон, говоря по правде, растущем впечатлении, что правительству недостает решимости и последовательности" /51–205; 87–2.03.1935–461/. В этих условиях лидеры страны стремились уклониться от полемике с лейбористами по внешнеполитическим вопросам и проявить в этой области способность добиваться успеха.

Саймон не решился назвать еще одну причину – личную заинтересованность в эффектном дипломатическом жесте. Его популярность как госсекретаря по иностранным делам никогда не была большой, а с начала 1935 г. стала катастрофически; падать. Подробнее см. /179–763-769; 299–33; 366–63/.

5. Париж занял выжидательную позицию. Уже 16 февраля французское правительство дало понять, что не станет противиться поездке Саймона в Берлин, но настаивает на предварительных консультациях с англичанами /11,12–529/. Одновременно Литвинов пришел к заключению, что в изменившихся условиях участие Лавала в переговорах с немцами приведет к "бесконечному затягиванию" соглашения о взаимопомощи между СССР и Францией, ЧСР /5,18–632/. НКВД получил обещание Саймона придерживаться принципа взаимозависимости положений лондонского коммюнике, включая воздушный пакт /5,18–121-122/. Кроме того, на встрече с Лавалем 28 февраля (резко улучшившей атмосферу франко-британских отношений) Саймон обещал, что его миссия будет лишь "исследовательской" /350–130-131/, что подверглось осуждению в передовой "Таймс" /91–4.03.1935–15/.

19 февраля Саймон поручил послу во Франции возобновить беседы с Лавалем и его сотрудниками о замене первоначального проекта многосторонним пактом ненападения и консультаций при допущении обязательств взаимопомощи между некоторыми его участниками /11, 12–535-537/. Уже 21 февраля Баржетон ответил Кларку, что такой вариант бил бы вполне приемлем для Франции /344–120/. Сообщая В. П. Потемкину, что после консультаций с ним 28 февраля госсекретарь "не позволит вовлечь себя в обсуждение каких бы то ни было новых концепций Восточного пакта, которые могут быть предложены немцами", Лаваль сознательно искажал заявление Саймона /5,18–154; 11,12–592/. Вероятно, Лаваль рассчитывал протолкнуть руками англичан модификацию обязательств по Восточному пакту и избегать упреков Москвы в нелояльности.

Вопрос о том, в какой мере английское руководство следовало логике собственной политики, в какой уступало влиянию прогерманских сил или влиянию своих партнеров, в какой степени на него влияли внутривосточные расчеты, для рассматриваемого периода очень сложен. Свидетельства крайне противоречивы. (Ср., например, документы, приводимые А.Фэрниа /288–144/ и Н.Ростоу /350–128/). Излагаемый автором подход близок тогдашним оценкам таких компетентных наблюдателей как К. Радек и П. Лапинский (Михальский) /15, 1935-6—313/.

6. Вопрос о подготовке визита А. Идена в СССР хорошо изучен советскими историками (в первую очередь благодаря публикациям И.М. Майского). Закулисные обстоятельства встречи 13 февраля все же неясны. Не исключено, что обмен мнениями Майского и Ванситтарта был связан с ответом Идена на запрос лейбористского парламентария об отношении кабинета к объявленной 6 февраля Молотовым реформе советской избирательной системы. Министр, разумеется, уклонился от официального заявления, но не скрыл полностью благожелательства /1,297–1765/. Этот эпизод, во всяком случае, наряду с другими, относящимися к первой половине 1935 г., демонстрирует несо-

стоятельность попытки биографа Идена Д.Карлтона опровергнуть устоявшиеся представления о симпатиях своего героя к внешней политике СССР того времени /170–63/.

7. Следует; однако, иметь в виду, что ранее Макдональд выступал и за приглашение Нейрата в Лондон вместо поездки Саймона в Берлин. С другой стороны, против увязывания двух визитов выступал и Н Чемберлен, считавший, что Идену следует вести беседы лишь в Москве, но не в германской столице /173–255/.

8. Такой исход не вполне устраивал советскую дипломатию. В конце февраля – начале марта НКВД настаивал на поездке в СССР как Идена, так и Саймона и даже ставил вопрос об одновременном пребывании в Москве Саймона и Лавалю /5,18–128,157/. И.М.Майский, однако, и в те дни, и позднее считал, что как партнер на переговорах А. Иден предпочтительнее, нежели госсекретарь. Саймон недружественно относится к Советскому Союзу, отмечал Майский, к тому же "Иден представляет консервативную партию и обладает качествами английского джентльмена, которых недостает Саймону" /54–348-349/.

К тому же 14 марта "Таймс" сообщила: "Британский кабинет как рассматривает визит в Москву как событие первостепенного значения и ни в коем случае как приложение к беседам в Берлине", В этом духе высказался на следующий день и Д. Саймон /277–537-538/.

9. Объявляя о принятии нового закона, Гитлер заявил, что тем самым "выполняет ныне пожелание об освещении намерений Германии перед всем миром, выраженного в речи британского министра С. Болдуина 28 ноября 1934 г. "

10. Еще в инструкциях Нейрата послу в Англии от 21 февраля подчеркивалось: визит британского деятеля в Берлин потребует от немцев очень тщательной подготовки /12,3–958/. "Германское правительство, – объяснял в конце марта министр иностранных дел польскому послу, – была встревожено тем, что сэр Джон Саймон отправляется с поездкой в Берлин будучи совершенно неправильно убежден, что сможет вести игру, используя весьма высокие ставки определенных областях национальной обороны.– Следовательно, лучше было открыть карты". /65–180/. Со своей стороны, британское руководство все же не придавало "Белой записке" ("Заявлению об обороне") того значения, какое приписывали ему немцы (а позднее и некоторые авторитетные историки /187–152; 267–130/). Являвшееся новацией в британской конституционной практике, "Заявление" преследовало почти исключительно внутривластные цели. Об угрозе миру вследствие перевооружения Германии говорилось с оговоркой ("если, оно будет продолжаться нынешними темпами, не ослабевая и бесконтрольно"/14–42/). Даже это казалось Саймону чрезмерным. Подробнее см.: /35–402-403; 180–796-797; 187–148-152; 54–507-508; 350–133; 140–243/.

11. Решение было принято фактически шестью руководителями Макдональдом, Болдуином, Саймоном, Иденом, Хэнки и Ванситтартом 17 марта и столь же единогласно утверждено кабинетом на следующее утро. Подробнее см.: /91–18.03.1935–12; 179–771/.

Вечером 17 марта временный поверенный в делах Франции вручил в Форин Офис ноту с предложением немедленных консультаций Англии Франции и Италии для осуществления совместного демарша. Это предложение было отклонено. 18 марта, сообщая палате общин о направленной в Берлин ноте, Саймон упомянул, что правительство "контактировало" по этому поводу с правительствами Италии и Франции. На деле госсекретарь встретился с послами после отправки ноты и за 20 минут до выступления в парламенте /91–18.03.1935-12; 1,299–827; 350–136/. Такое отношение кабинета к партнерам в бирмингемской речи 22 марта подверг осуждению госсекретарь по иностранным делам прежнего правительства Болдуина – О. Чемберлен /91–23.03.1935–14/.

12. Речи Г. Самюэля и Г. Лэнсбери в палате общин 21 марта, отмечалось в передовой "Таймс" доказали, что государственный секретарь действительно располагает поддержкой всех партий в его миссии мира и примирения"; тем не менее вопрос о виновности тех или иных сил за принятое Германией 16 марта решение расколол англичан, заставив занять "либо резко критическую по от-

ношению к правительству, либо вызывающе профранцузскую, либо горячо прогерманскую или, неожиданно, прорусскую позицию " /31–22.03.1935–17/. См. также: /24–132-134; 276–538/. В беседе с послом США Атертоном 20 марта Саймон "подчеркнул с точки зрения внутренней политики важность срочных и конструктивных независимых действий национального правительства " /15, 1935, 1–200/. Среди дипломатов против поездки госсекретаря в Берлин выступил, лишь посол в Бене У. Селби /50–45/.

13. ". . . Германское правительство в действительности не хочет соглашения или, во всяком случае, желает его на германских условиях, которые были бы неприемлемы для других, – говорилось в традиционном докладе главы Форин Офис монарху 18 марта. – Не следует полагать, что нынешнее требование всеобщей воинской повинности и крупной армии замыкают список, напротив..." /182–523/.

14. До середины марта Форин Офис считал необходимым начать обсуждение с воздушного пакта /11,12–653/. Изменение порядка вопросов было вызвано, вероятно, некоторым ужесточением английской позиций после введения всеобщей воинской повинности, а также объективно возросшей вследствие этого шага Германии ролью СССР в Европе /300–48/. См. также: /5,18–185; 65–177/.

15. Незадолго до приезда английских министров Геринг через У. Прайса зондировал отношение Лондона к розенберговской идее возвращения рейху Коридора при компенсации Польше за счет Украины, что обеспокоило Форин Офис /11, 12–643/. Несомненно британским политикам было известно и то, что, согласно Розенбергу, "отношение Германской империи к Московскому государству будет зависеть от отношения Англии к Германии" (Цитируется по брошюре, изданной в Париже и Лондоне осенью 1934 г.).

16. По возвращении в Лондон госсекретарь затребовал дополнительных разъяснений. 8 апреля немецкий посол сделал особое заявление для приобщения к материалам, берлинских бесед: смех Гитлера и Нейрата был якобы вызван там, что к планам Розенберга германское правительство не относится всерьез /12,4–22-23/.

17. На берлинских переговорах англичане не приняли ни принципа количественного ограничения ВМС, ни требования признать соотношение военных флотов Германии и Франции 1:1, Германии и Британской империи 35:100 /11,12–731/. Однако, как показали события, в определении неблагоприятного для Великобритании исхода морских переговоров в тоне 1935 г. едва ли не решающим явилось именно открытое проявление британским руководством заинтересованности в соглашении. Начало этому положили высказывания Д.Саймона в Берлине. См. также: /350–140/.

18. Безосновательны утверждения, встречающиеся в исследованиях советских историков даже последнего времени о том, что в результате переговоров "все остались довольны друг другом" /241–96/. В искаженном виде представлены авторитетным историком – автором приведенных слов и другие вопросы англо-германских бесед марта 1935 г. /Там же/.

19. Как показал Э.Робертсон, в конце марта - начале мая 1935 г. Гитлер обдумывал вопрос о "превентивной" войне против Чехословакии /346–89-92/.

20. Саймон проявил слабость, говорил Ванситтарт Макдональду в конце марта /350–141. "Наша кротость привела к потере лица", – писал он позднее о берлинской поездке /53–512/. "Тон государственного секретаря был оборонительным", – справедливо указывает Н. Росту /350–140/. Такого мнения и Дж. Скотта /357-301/.

21. Несколькими днями ранее дополняя заверения; Гитлера, что "никогда не объявит войны России" /11,12–711/, военный министр Бломберг просил Идена передать его дружеский привет Ворошилову /37–142/. Сталин, якобы с целью продемонстрировать англичанам двуличность руководи-

телей Германии указал на их готовность возобновить поставки в СССР военных материалов, а опровергая слух (вероятно, им самим придуманный /11, 12–768/) о контактах Геринга с Тухачевским, дал донять, что такие секретные встречи вполне, возможны /5,18–246/. Литвинов, напротив, заверил Идена перед его беседой со Сталиным, что у советского правительства "нет Риббентропов. Оно не позволяет военным или кому-то другому вмешиваться в иностранные дела" /11,12–790/. При этом нарком, указал английскому министру, что Кремль пока не готов к значительному расширению своих обязательств в Европе /11,12–781/ и предупреждал, что "в Москве тоже имеются изоляционисты" /11,12–785/.

22. Значение первоапрельского коммюнике несколько ослаблялось тем, что ему была придана форма изложения мнений не правительств двух стран, а участников переговоров. Как отмечает В.Я.Сиполс, это было сделано по настоянию Идена /248–252/. Трудно, однако, согласиться с видными историками, считавшими, что положения московского коммюнике не соответствовали истинной позиции Лондона /157–102; 238–190/. Выбор формулы коммюнике, вероятно, определялся статусом самого А.Идена как младшего министра и ролью, официально отведенной ему миссии. Не вполне понятно замечание П.Д.Овсяного о том, что положения коммюнике "шли значительно даже тех осторожных формулировок, которые позволял себе английский министр в ходе переговоров" /236–96/.

23. Главным аспектам двусторонних отношений в ходе визита уделялось сравнительно небольшое внимание. Состоялась встреча Идена с наркомом внешней торговли А.П. Розенгольцем. Из-за неизбежного увязывания торговых переговоров с проблемой долгов было решено, не возобновляя их продлить февральское соглашение 1934 года. Идеи не настаивал на обсуждении традиционной темы – коммунистическая пропаганда в странах Империи. См, также: /360–198/.

24. Если накануне переговоров высшее руководство обеих стран проявляло повышенную настроенность (советская печать, в частности, не сообщила заранее о приезде Идена /15,1935,2–312,314/), то обстановка откровенности и даже сердечности в контактах министра с представителями СССР ее развеяла. Идену показали авиационное предприятие, Большой театр, еще не открывшееся метро, а на даче Литвинова предложили торт, украшенный надписью "Мир неделим". В Кремле был поднят тост за здоровье родственника Романовых Георга V. Агентство Рейтер извещало: "Все компетентные здешние наблюдатели разделяют одно убеждение – что Россия сегодня стремится к миру, что ее народ встревожен намерениями Германии" /91–29.03.1935 –16/. Англичан тронул огромный и благожелательный интерес в СССР ко всему английскому. Подробнее см.: /277-538-544/.

25. Искренность. Идена подтверждает следующий эпизод. Возвращавшийся в страну пребывания польский посол в Вене Гавроньский оказался попутчиком Идена, который: следовал в Прагу. Министр доказывал собеседнику, что каждый политик и дипломат обязан "способ способствовать созданию атмосферы большего доверия в отношениях между Польшей и Советским Союзом", что "улучшение этой атмосферы необходимо для обеспечения мира не только в Восточной Европе, но и во всем мире" /66–265/.

26. Окончательный ответ был дан Бекком в выступлении 16 апреля на заседании Совета Лиги: многосторонние пакты в Восточной Европе "нарушили бы системы ненападения на западной границе Польши либо поставили под угрозу, хорошие отношения с наши западным соседом". Бек даже намекнул, что подобные проекты провоцируют войну /63–160/. При этом он сообщал немецкому послу фон Мольтке, что новые региональные пакты поляки с Иденом вообще не обсуждали /12,4–12-13/.

27. Как показали события, связанные с мюнхенским и московским соглашениями 1938-1939 гг., объективные предпосылки временного компромисса между интересами Германии и СССР были на порядок выше, чем шансы англо-германского урегулирования. Это, разумеется, нетрудно объяснить геополитическими, экономическими, историческими и внутривосточными обстоятельст-

вами, и, судя по внутренним документам Форин Офис, учитывалось его сотрудниками.

28. Содержание высказываний Гитлера на переговорах с англичанами, было уже 27 марта 1935 г. изложено "Дэйли телеграф". Этот орган имел репутацию выразителя линии Форин Офис, т. е. прежде всего Р. Ванситгарта /15,1935,2–317/. О реакции политических кругов Лондона можно судить по такому чрезвычайному факту как официальное опровержение германским посольством сведений о заявлении Гитлера насчет достижения немцами паритета с Англией в военной авиации /91–30.03.1935–14/.

29. Приведем и другое свидетельство прессы. Либеральный, неизменно симпатизировавший Германии, осудивший как бестактную по отношению к ней публикацию правительственного заявления 4 марта "Экономист" в начале апреля призывал к "подлинному и чистосердечному изменению" британской политики. Англия не должна присоединяться к антигерманским военным союзам, считали его редакторы, однако ей следует употребить все свое влияние для поддержки коллективных действий против любого агрессора и готовить их немедленно, бездействие "может привести прямо к катастрофе" /87–6.04.1935–773-774/.

30. В своих воспоминаниях Р. Ванситгарт замечает, что в результате берлинских бесед Саймон и Идеи правильно поняли подлинные стремления. Гитлера, однако "оба колебались и думали о влиянии на избирателей" /53–512/. Документы показывают, что отождествление позиций министров неправомерно.

31. Мнение Хэнки нашло отражение в передовой "Таймс" от 4 апреля. Отвечая на парламентский запрос, Д.Саймон указал, что оно не соответствует точке зрения правительства /1,300-985-986; 350–142/.

32. По свидетельству Д.Марканда и Н.Ростоу, в доступных историкам официальных и личных архивах документы, поясняющие, почему советы Идена в апреле не были приняты, отсутствуют /350–143; 179–773-774/.

33. "Психологически мы возвратились к 1914 г., – говорил Болдуин еще полутора годами ранее. – Но теперь мы имеем больше знаний, чем тогда. Нет такого невежды, который не заметил бы, как за последние пятнадцать лет заколебались основы нашей цивилизации в Центральной и Западной Европы. Они не смогут выдержать второго такого взрыва, какой потряс их в 1914 г." /74–1933,12–18/. Отражение этого подхода в документах Форин Офис конца марта – начала апреля см: /11,12–793, 682/. Подробнее см. выше (глава I, параграфы 1-2).

34. Примечательно все же, что разграничение интересов восточноевропейских стран и Великобритании начинается проводится в британских внешнеполитических документах – меморандуме О.Сарджента от 1 апреля, комментариях к нему Р. Ванситгарта и Э. Фиппса. /11,12–794, 819/, причем наметилась, пусть, чисто психологически, склонность сбросить первые со счетов. "Если посредством франко-русского альянса мы закроем Германии все пути продвижения на восток, где вероятность ее конфликтов с британскими или даже с чьими бы то ни было интересами проявится в наименьшей степени..." - "рассуждал заведующий Центральным отделом Форин Офис. По мнению В.Я. Сиполса, меморандум Сарджента "недвусмысленно говорит о том, что английская дипломатия считала необходимые сделать все возможное для того, чтобы направить германскую экспансию именно против Советского Союза" /248–267/. Этот вывод представляется искусственной драматизацией размышлений Сарджента и не подтверждается ни содержанием, ни характером документа.

35. 6 апреля такое же решение рекомендовал Совету министров Франции П.Лаваль /344–128/.

36. На предварительном обсуждении несколькими членами кабинета, включая Макдональда и Саймона, 5 апреля было условлено, что Англия предложит партнерам альтернативный вариант

обеспечения безопасности в Восточной Европе, а именно – посоветовать Германии и СССР предоставить гарантии на случай нападения одной из этих держав странам "промежуточного пояса" - ЧСР, Польше, Литве, Латвии, Эстонии. Проект был так далек от реалий 1935 г., что авторы предложения в конце концов решили не вносить его на рассмотрение кабинета /11,12-821-822/. Проанализировавший этот документ В.Я Сиполс придал ему излишнюю весомость, вероятно, потому, что спутал меморандум Форин Офис от 4 апреля, подписанный Саймоном и положенный в основу правительственного решения, с меморандумом Саймона от 5 апреля, в котором суммировались итоги неформального обсуждения /151-30-31/. Не вдаваясь в подробности, отметим, что столь удивительный проект, как намеченный 5 апреля, профессионалы составить и не могли. См. также: /173-256/.

37. Степень предоставленной британской делегации свободы действий на совещании в Стрезе была меньшей, чем на предшествующих англо-французских переговорах. Те, однако, проходили в Лондоне под бдительным взором Болдуина, Чемберлена и членов Комитета имперской обороны. На конференции в Северной Италии английские представители должны были принимать решения без предварительного обсуждения с другими руководителями. Существенен был поэтому состав делегации.

Поначалу было принято соломоново решение о включении в нее как Саймона, так и Идена под руководством Болдуина. Болезнь Идена привела к замене его Макдональдом. (На роль члена делегации претендовал также Н. Чемберлен. Он, однако, должен был завершить разработку представленного в середине апреля парламенту очередного бюджета). Участие в конференции лорда-президента совета стало излишним, а его присутствие в столице желательным /180-799/.

Всплеск антигерманских настроений импульсивного Макдональда к середине апреля уступил место характерному для последнего периода его деятельности бесплодному рефлексированию. Ванситтарт, Виграм и Стрэнг по своему статусу не могли принимать полноценного участия в определении позиции делегации. В результате главную роль в трактовке правительственного решения от 8 апреля на конференции стал играть Саймон, тогда как по первоначальным наметкам его подход уравновешивался бы присутствием Идена при сохранении решающего голоса за Болдуином. Нельзя исключать, что это оказало некоторое влияние на характер принятых в Стрезе решений.

38. В беседе с послом Лукасевичем 9 апреля нарком поставил вопрос, "согласилась ли бы Польша участвовать в пакте, исключающем обязательность пропуска войск". "Мыслится, например, – пояснил Литвинов, – ...пакт, включающей взаимопомощь, причем каждый из участников пакта заранее определяет размеры получаемой и даваемой помощи. Одни, например, согласятся давать неограниченную помощь войсками, другие ограничат помощь вооружением к экономическими санкциями и третьи, например, будут считать достаточной помощью благожелательный нейтралитет" /5,18-270/. Содержание состоявшейся в тот же день беседы Литвинова с Чилстоном указывает, что косвенно этот вопрос был адресован и Германии /11,12-850/. Неясно, был ли новый шаг советской дипломатии продиктован тактическими соображениями (в частности, учитывая мнение Лондона), или же был предпринят по указанию Сталина, стремившегося вести собственную игру.

Уже вечером 9 апреля полпред в Варшаве сообщит НКВД, что Ю.Бек считает пакт взаимопомощи похороненным, а от обсуждения нового варианта регионального соглашения уклонился /5,18-284/. Позиция Польши исключала участие в пакте Латвии /12,4-21/, правительства Литвы и Эстонии отложили принятие решения /11,12-851-862; 248-261-262/.

39. Стараясь предельно развести соглашения о ненападении и о взаимопомощи, гитлеровцы, вероятно, рассчитывали подорвать или отсрочить вторые. Этот тактический просчет, думается, несколько сбил с толку британских дипломатов, которые сочли ноту Нейрата и заявление правительства уступкой здравому смыслу и проявлением готовности к компромиссу.

40. Германский ответ, доверительно сообщил Нейрат Фиппсу, был дан "с особой целью – оказать помощь британской делегации" /11,12-861/, т.е. усилить возражения англичан против принятия новых обязательств /346-61/. Заявление Гитлера предназначалось также "для домашнего употребления" /11, 12-860/. Несколько иную трактовку немецкого заявления см. /248-270/.

41. Между тем значимость Центральноевропейского пакта после договоренности о соглашениях повышавшей уровень безопасности на Востоке, объективно возросла. В Лондоне предвидели, что затрудненность экспансии в восточном направлении приведет к усилению давления рейха на Дунае /11,12–794/.

42. Личный помощник Ванситтарта в частном разговоре с князем Бисмарком заявил, что "солидарность трех государств фактически является решающим поворотом в ходе событий и означает, что было принято решение в качестве последнего средства "ответить на силу силой". Макдональд и Саймон отправились в Стрезу как посредники, но возвратились членами объединенной группы государств" /12,4–80/. Такое же мнение сложилось у связанного с англичанами представителя США в Женеве Х.Вильсона /71–302/.

43. Разумеется, сама по себе такая позиция была небезобидна, она предоставляла Берлину дополнительный шанс. "Гитлер обладал достаточной политической интуицией, чтобы понять, что различие интересов трех держав препятствовало проведению совместной политики", – свидетельствовал Ф. фон Папен /67–360/. Чувство облегчения после завершения конференции испытали и в военном министерстве рейха /346–61/.

44. В начале 1935 г. нараставшее с июля 1934 г. охлаждение итало-германских отношений достигло апогея. В ответ на введение, всеобщей воинской повинности в Германии Муссолини 23 марта провел частичную мобилизацию. Он был крайне недоволен визитом британских министров в Берлин. Сближение подходов Гитлера и Муссолини началось после заключения советско-французского пакта взаимопомощи и обнаружилось во второй половине мая. См.: /347-126-128,133; 321—174; 72—315-318, 338/.

45. Она была известна Муссолини лучше, чем другим иностранным лидерам. Как выяснил направленный в Рим после обнаружения утечки секретной информации начальник контрразведывательной службы Форин Офис, итальянцы к началу 1935 г. нашли путь к сейфам британского посольства /53–516/.

46. Другую версию состоявшегося в Стрезе обмена мнениями по эфиопскому вопросу приводил со ссылкой на Гранди и Пирелли в своих мемуарах Л. Эмери. Изложение Эмери слишком похоже на анекдот, чтобы считаться полностью правдивым. Однако в своей основе оно не противоречит восстановленной. Э. Робертсоном картине /26–166/. См. также заявление Муссолини на официальном заседании конференции /11, 12–871/.

Поведение англичан в Стрезе подвергают критике все мемуаристы и историки, затрагивающие этот вопрос. См. также: /187–177/. В воспоминаниях Д.Саймон намекнул, что его уклончивость в переговорах на Изольда Белла была связана с нежеланием торопить события перед предстоящим в мае обсуждением жалобы Эфиопии в Совете Лиги. Когда на заседании Совета 17 апреля представители Чили и Мексики при поддержке Литвинова попытались изменить формулировку, ограничивающую защиту мира Европой, а эфиопский делегат - поставить на рассмотрение обращение Хайле Селассие, Саймон проявит непреклонность /51–204; 370-611-612; 14-114-115; 142-1-165/.

47. Позднее Ванситтарт предпочел делать вид, что, во-первых, он не предлагал заплатить Абиссинией за солидарность Италии с Англией в европейских делах и, во-вторых, судьба первой к апрелю была якобы предрешена /53–520-521/. Исказил он в мемуарах и обстоятельства соглашения Хора-Лавалья в декабре 1935 г. О позиции Ванситтарта по этим вопросам см.: /171–71-76/.

48. Оно продемонстрировало, специфическое понимание руководителями Англии, Франции и Италии концепции коллективной безопасности. Восстанавливая обсуждение в Женеве проекта решения нарушения Германией мирного договора, заместитель генерального секретаря Лиги указывал, что оно проходило под диктовку трех держав. Проект резолюции члены Совета увидели лишь накануне. Представители Англии, Франции и Италии "уклонились от ответов на все задан-

ные вопросы... и с твердостью, граничащей с бестактностью, отклонили все предложения по изменению ее (резолюции. – О.К.) содержания и даже формулировок". Заседание Совета, вспоминал Уолтерс, было унижением Лиги, не оставлявшим сомнений, что руководители трех западных держав не верят в собственные, обещания укрепить ее /370—610-612/. Остальным членам Лиги приходилось задуматься, не служат ли они пешками в игре, которую ведут, под флагом коллективной безопасности Лондон, Париж и Рим.

49. В британских правящих кругах предполагали, что Гитлер выкажет недовольство коллективными действиями Запада /11,13–191/, но не ожидали неподдельного взрыва ярости правителя и презрительно краткой ноты протеста, отрицавшей право членов Совета Лиги наций "выступать судьями над Германией" /11, 13–214, 224; 7,10-277-278/. Убедительные, хотя и неполные объяснения германской реакции Э.Фипсом и А.Франсуа-Понсе см.: /11,13-399; 264–136/.

50. "Ванситтарт в ответ на мой вопрос, – докладывал Майский НКИД 25 апреля, – заявил, что английское правительство не имеет возражений против заключения франко-советского и советско-чехословацкого пактов взаимопомощи. Я затем дважды в разных комбинациях переспрашивал Ванситтарта, но оба раза он определенно подтвердил, что возражений нет и что это не только его личное решение, но и мнение всего правительства" /5,18–301-302/. Полпред СССР в Париже, затрагивая позднее эту тему, ограничился следующим замечанием: "...Заключение франко-советского "договора взаимной помощи вызвало переполох в реакционных кругах английской общности /.../. От правительства требовали скорейших переговоров с Германией" /117-19/. Учитывая предубежденность В.П.Потемкина в отношении политики Англии (чем, вероятно, во многом объясняется его служебное повышение – уникальное для НКИД конца тридцатых годов), отличную информированность, исходящее от него признание, что британское правительство не ставило помех апрельским переговорам о пакте взаимопомощи, представляет ценность.

51. Госсекретарь дважды (18 и 26 апреля) порвал послу во Франции, что если пакт обяжет Францию напасть на Германию в случаях, не предусмотренных ст. 2 Локарнского договора, правительство Великобритании при наличии просьбы немцев вынуждено будет действовать "в соответствии со своими локарнскими обязательствами" /11, 13–190, 210/. Аналогичный ответ дал Форин Офис и на запрос Москвы /5,18–301; 11,13–217-218/.

В итоге, 2 мая Д.Саймон мог уверенно заявить палате общин: "... Если Германия нападет на Россию и в соответствии с франко-советским договором о взаимной помощи Франция придет на помощь России, Локарнский договор не ставит нашу страну перед обязательством придти на помощь Германии" /338–135/.

52. В работе Хэя, Морриса и Петерсона содержится утверждение, что Лондон рассматривал этот пакт лишь "как средство успокоить опасения Франции за стабильность Восточной Европы в будущем" /236–43/. Современные английские историки подкрепляют свой тезис ссылкой не на правительственные материалы, а на книгу А.Вольфера, изданную в 1940 году и не содержащую таковых /379/. По мнению Н.Ростоу, "британское правительство приняло франко-русский союз, поскольку у него не было выбора" /350–155/. Прямые подтверждения отсутствуют и у этого выдающегося исследователя. Мысль Н. Ростоу, думается, приемлема, если истолковывать ее как напоминание о невозможности осуществления плана Восточного Локарно, наиболее предпочтительного для англичан. Акцентировать же внимание на вынужденном характере поддержки Англией франко-советского пакта означает исходить из ложных методологических предпосылок – представлений о детерминированности поведения государств лишь внутренними факторами к "свободе воле" вовне. См. также: /288–148/.

В день подписания договора взаимопомощи государственный секретарь заявил в парламенте, что "правительство приветствует этот акт как служащий делу безопасности в Европе /1,301–681-682/. "Литвинов был явно в восторге... от заявления сэра Джона Саймона в палате общин 2 мая", – общал в Вашингтон после беседы с наркомом 4 мая Буллит. Литвинов пояснил послу, что с конца марта добивался публичной декларации Великобритании о положительном отношении к союзу Франции и СССР. "Наконец мы получили ее", – сказал Литвинов /15,1935,1–270/.

53. Думается, именно эта подозрительность, будучи перенесена со страниц советских дипломатических документов в исторические работы, объясняет утверждения некоторые: авторитетных авторов, что на завершающей стадии франко-советских переговоров английское правительство стремилось "сорвать подписание договора или хотя бы выхолостить его содержание", "помешать подписанию договора" и т. д. /248–275; 205–334/. Ср. эти высказывания с заявлением советского посла в Лондоне 1 мая 1935 г. /5,18–307/.

54. Как известно, "не только общий политический смысл франко-советского договора, но и формула статьи 4 Протокола подписания предусматривала, что его заключение имеет в виду помешать агрессии Германии и только Германии /5,18–312; 136–82/. Не возражая против антинемецкой заостренности договора, британская делегация тем более была заинтересована в юридической безупречности всех других его положений.

55. На деле в распоряжении Гитлера было менее 1000 боевых машин, причем самолетов первой линии насчитывалось не 800-850 (как сообщил англичанам заместитель Геринга генерал Мильх), а примерно в 2-3 раза меньше /11,12–849-850; 172-783; 283-72/.- Королевские воздушные силы насчитывали весной 1935 г. 1375 самолетов военных типов, из которых 453 – первой линии /11,13–854-855/.

56. В конце мая С.Болдуин признал в палате общин, что ошибался, оценивая в заявлении 28 ноября 1934 г. германские ВВС как вдвое меньшие, чем размещенный на Британских островах воздушный флот. Вынужденные признать просчеты (которые были не так велики, как ему казалось весной 1935 г.), лидеры консерваторов решили пожертвовать маркизом Лондондерри. Его исключили из состава правительства при июньской реорганизации. См. также: /180–800/.

57. Расхождение в советском руководстве ярко проявилось в связи с голосованием в Совете резолюции с осуждением односторонней акции Германии. 14 апреля от имени Политбюро Литвинову было передано указание воздержаться при вотировании резолюции. Нарком, возглавлявший советскую делегацию в Женеве, потребовал свободы рук /5,18–284-285/. На следующий день Сталин дал свое согласие и одновременно распорядился опубликовать в советской прессе запись беседы кремлевских руководителей с Иденом, включая собственные высказывания о величии "германцев" и "цепях Версаля". Со своей стороны, Литвинов, внешне лояльно выполняя указание Сталина подчеркнуть особое отношение советского правительства к Версальским постановлениям, в выступлении 17 апреля во Дворце наций сравнил Гитлера с бандитом, которому муниципалитет не предоставил бы права на ношение оружия без – "по меньшей мере" – "действенных гарантий хорошего поведения" /5,18–291/.

Однако после подписания договора с Францией Литвинов также счел нужным демонстрировать дружеское расположение к Германии и сообщал Шуленбургу, что желал бы "уменьшить значение советско-французского пакта" и т. д. /5,18–323; 12,4–138-139/.

58. Переговоры между министром хозяйства Шахтом и торгпредом Канделаки завершились 9 апреля подписанием серии соглашений о взаимных поставках и платежах. Отчетливо политическое значение этим договоренностям придавало обещание Берлина содействовать размещению военных заказов СССР и предоставить льготные кредиты на пятилетний срок /5,18–632-634; 250/. Данные обстоятельства позволили Сталину использовать соглашение еще до его подписания – в беседе с Иденом. О возможности сближения Берлина и Москвы, если англичане будут по-прежнему игнорировать приглашения к совместной мировой гегемонии, продолжали напоминать британским представителям и нацисты. Германия помирится с Россией как только возникнет такая необходимость, говорил военному атташе генерал Рейхенау /11,13–258/.

59. Особенно сложную игру вело итальянское правительство, намеревавшееся достичь осуществления в первую очередь Дунайского пакта. Подробнее см.: /321–170-176/. В беседе с британским дипломатом Сувич побуждал Англию занять более непримиримую позицию в отношении Герма-

нии и заставить ее принять не многосторонний пакт о ненападении с воздуха, а серию воздушных соглашений между государствами—участниками Локарно /11,13–241-242/.

60. В первой же беседе с германским послом после вступления на пост госсекретаря по иностранным делам С.Хор в ответ на очередной призыв отказаться от обусловливания переговоров, по воздушному пакту Восточным категорически заявил, что это невозможно вследствие позиции Франции /11,13–505/.

61. Во второй половине мая влиятельный член британской элиты, занимавший с конца 1833 г. пост посла в Вене, У. Селби, находясь в Лондоне, в откровенной беседе с Болдуином жаловался на растущую неразбериху в Форин Офис. "Он согласился, – вспоминал Селби, – что не знает где находится", что Форин Офис проводит будто две политики - одну профранцузскую, другую прогерманскую, что этому следует положить конец" /50–46/. Назначенный 7 июня государственным секретарем по иностранным делам С. Хор два десятилетия спустя так описывал обстановку, которую застал в ведомстве: "Все выглядели чрезмерно взволнованными. Казалось, что не существует приемлемого для всех подхода к основным проблемам. Я испытывал давление диаметрально противоположных точек зрения, которые отстаивались порой с нетерпимостью, достойной религиозной ненависти /.../ Расхождения, которые я обнаружил в Форин Офис..., являлись следствием всеобщего чувства тщетности предпринимаемых усилий..." /41-137/. См. также дневниковую запись Идена от 24 апреля, приводимую им в мемуарах /37–187/.

62. Вопрос об англо-германских консультациях для подготовки морской конференции рассматривался на переговорах в Лондоне 9-10 июля 1934 г. Д.Саймон настаивал на необходимости предварительной договоренности между ее главными участниками и согласия Франции на "небольшое увеличение" германских ВМС /11,6–820-821/.

Военно-морской министр Пьетри и Корбэн указывали на вызываемые этим опасности. Госсекретарь тем не менее добился согласия Французов на проведение зондажа планов Берлина при условии, что версальские обязательства Германии и соответствующие права Франции не пострадают /11,6–824/. См. также: /11,5–117/.

63. Вероятно именно в силу этих обстоятельств еще в 1931 г. постоянный заместитель- госсекретаря по иностранным делам полагал тактически правильным начать умиротворение Европы с отмены ограничений германского флота и соглашения о его паритете с французским /292–132/. См. также /290-157/.

Дополнительным обстоятельством, которое должно было, ослабить возражения сотрудничавших с Англией европейских государств, являлось дифференцированное рассмотрение проблемы вооружений Германии в коммюнике 3 февраля. Идея воздушного пакта, включавшая соглашение о лимитировании военной авиации создавала, прецедент расчленения переговоров о вооружениях. С другой стороны, сопротивление Франции, Италии и (быть может, в первую очередь /11, 13–407/) СССР планам изолированного воздушного соглашения отвлекало их внимание от возможности англо-германской сделки в другой области. Характерно, что начальная фаза морских консультации протекала в обстановке секретности, единственным шагом к информированию партнеров стало сообщение Ванситтарта (сделанное в Отрезе вне рамок официальных бесед) о намерении Англии в будущем обсудить с немцами проблему морских вооружений /11,12–921/. Между тем эти беседы уже начались. См. также: /347–162; 290–159,165/. Лишь 2 мая премьер-министр сообщил о приглашении германской делегации в Лондон. Как бы компенсируя парламентариям и зарубежным партнерам неудобство оказаться перед свершившимся пактом, Макдональд обещал, что переговоры будут вестись "на совершенно таких же условиях, что и переговоры с США и Японией", а все четыре государства, подписавшие договор 1930 г., будут надлежащим образом информированы /1,301–574/. Вопреки заявлению Первого лорда Адмиралтейства Эйр-Монселла /1,304–710/, эти заверения не были соблюдены.

64. Об этом свидетельствуют приводимые данные (по состоянию на 1933 г.). (Составлено по: /93–92-93,160-161/).

Классы военных кораблей	ВМС Великобритании			ВМС Японии
	Всего	Отечественная и средиземно-морская станции	Силы, дислоцированные в других районах	
Линкоры и линейные крейсера	15	12	3	9
Крейсеры	52	11	41	39
Авианосцы	6	3	3	4
Эсминцы.	159	54	104	102
Подводные лодки	54	15	39	72

65. К концу 1936 г. число линкоров, срок службы которых не превысил установленные сроки износа, должно было составить в Англии 9, тогда как в Японии - 5. К тому же сроку Лондон должен был списать 56 эсминцев из имевшихся в 1925 г. 158 /1, 299–715-716/. Подробнее см.: /349–146-147/.

66. В 1935 г. Франция располагала 96 субмаринами (Великобритания - 51) /299–62/. Надо полагать, в Лондоне опасались, что действия Франции ухудшат положение британского флота прежде всего косвенно – провоцируя общемировую гонку морских вооружений. Приводя этот тезис, автор опирался на мнение советского специалиста В.М. Солонцова, который считал, что к разработке соглашения с Германией британское правительство побуждали и англо-американские морские противоречия /253-310-311/.

В воспоминаниях С. Хор отмечал, что торопиться с началом морских переговоров с немцами по-нуждало также обстоятельство, именуемое им "черной тучей, нависшей над Абиссинией" /41–149/. Акцентируя эту взаимосвязь, бывший, министр, вероятно, хотел представить в лучшем свете соглашение с Германией и косвенно оправдать бездеятельность британского флота в период обострения итало-эфиопского конфликта. Есть, однако, некоторые основания считать, что Форин Офис в самом деле рассматривал подготовку соглашения с Берлином как средство, ослабить негативный эффект намечившегося к концу мая сближения Италии и Германии, а морские круги учитывали рост империалистических амбиций нацистского правительства и безмолвность противодействия им.

67. Автору не удалось узнать, когда и кем было принято это безответственное решение. Функции премьер-министра в те дни исполнял Н. Чемберлен, главы Форин Офис – С. Болдуин. Чемберлен впоследствии поддержал морское соглашение, но активной роли в его подготовке, вероятно, не играл /173–257-258/. Судя по всему, рассматриваемое заявление санкционировал поощряемый первым морским лордом-председателем комитета начальников штабов Э. Чэтфилдом, первым лордом Адмиралтейства Б. Эйр-Монселлом и М. Хэнки Болдуин. Примечательно, что начало апреля было отмочено и другой попыткой дилетантского вмешательства в осуществление внешней политики. См. приложения 36, 61 к главе IV.

68. Причины замедления переговоров были разноплановы. Ни общественное мнение страны, ни лидеры истеблишмента (как показывает, в частности, речь Макдональда 2 мая и опубликованная несколько ранее его статья "Мир, Германия и Стреза") но были убеждены в правильности углубления морских консультаций с рейхом.

Несмотря на сохранявшееся весной 1935 г. осуждение лейбористами правительственной политики по отношению к Германии как империалистической, их голосование против даже незначительного увеличения оборонного бюджета, в главной оппозиционной партии продолжает быстро нарастать тенденция к пересмотру упрощенных пацифистских воззрений /368–27/. Как показал охвативший 11,5 млн избирателей "плебисцит мира", проводившийся с ноября 1934 г. по июль 1935 г., она была характерна для британской общественности в целом. Симпатии к германским требованиям равноправия слабели по мере того, как они реализовывались на практике, а агрессивные устремления, стоявшие за ними, проступали все очевиднее.

Правящие круги не делали стимулировать этот процесс, развитие которого, стесняло свободу внешнеполитического маневрирования и все больше подталкивало их к следованию политике коллективной безопасности. Об этом свидетельствует эпизод, связанный с организованной Адмиралтейством и Форин Офис утечкой полученных от немцев данных о начале строительства Германией 12 субмарин /11,13–219-222/. Подтвердив справедливость появившихся сообщений, госсекретарь воздержался от оценки действий Германии и отмахнулся от большей части вопросов обеспокоенных членов палаты общин /1,301–333/. См. также относящиеся к апрелю-маю замечания по поводу молчания руководителей страны в мемуарах Идена /37–188/ и Ванситтарта, а также /5,18–308/.

Вторая причина торможения морских переговоров состояла в неопределенности сложившегося после принятия Женевской резолюции к оформлению взаимных обязательств Францией, СССР к ЧСР положения, Трехнедельное отсутствие Лавалля в Париже затрудняло правильную оценку характера сдвигов во внешней политике основного партнера Англии /350-161/. Еще более важным для ее лидеров было ознакомление с уточненной позицией Германии. Намеченная на начало мая речь Гитлера в рейхстаге несколько раз откладывалась. Произнесенная 21 мая, она оказала чрезвычайно большое влияние на правящие круги, деловой мир. "Ясно, что Гитлер постарался привлечь британское общественное мнение и, если возможно, внести раскол между нами и Францией, - полагал Н Чемберлен, верно оценивая суть предложенных рейхсканцлером "13 пунктов". Тем не менее общий эффект успокаивающий" /173-259/. Этот вывод подтверждается разнообразными документальными свидетельствами /187–153; 11,13–293; 350–167; 69–285/ и признан всеми авторитетными историками (см., например: /299–88-89; 263–406-407/). Уже на следующий день после оглашения Гитлером "программы мира" лорд-президент публично приветствовал ее как обнадеживающий ответ на призыв Макдональда к Германии внести свой вклад в европейское урегулирование /1,302–359/. Один из специфических (и, по мнению англичан, позитивных) аспектов выступления Гитлера состоял в уточнении рамок германских притязаний на морское довооружение. Если ранее правитель Германии заявлял о намерении достичь паритета с французскими ВМС, то 21 мая он согласился на их превосходство над немецкими на 15 %. 22 мая кабинет утвердил директиву об ускорении морских переговоров /297–175-176/.

69. Сравнительная пассивность германской дипломаты: отчасти объясняется тем, что Нейрат (как и Хеш) полагал, что Англия никогда не согласится на морское соглашение без получения Германией уступок в отношении воздушного пакта /174–132/.

70. Так, в письме Э. Фиппса Нейрату от 24 мая говорилось: "Я получил сообщение моего правительства о том, что оно весьма делает не терять времени при начале этих бесед; соответственно мне было поручено выяснить у Вашего превосходительства, какова наиболее ранняя дата, которая была бы удобна представителям германского правительства, их прибытия в Лондон" /12,4–195-196/.

71. Англичанам давали понять, что решение Гитлера – следствие принятия Советом Лиги резолюции 17 апреля. Документы Нюрнбергского процесса свидетельствуют, что начало сборки германских подводных лодок относится к концу марта - началу апреля /237–184/.

72. Специфические мотивы такой позиции просматриваются в заявлении вице-адмирала Тэйлора в середине марта. Вследствие Вашингтонского и Лондонского договоров, отметил он, "мы все еще не располагаем свободой рук, у нас нет возможности строить суда того типа, в котором мы дейст-

вительно заинтересованы, и в том количестве, которое мы считаем необходимым" /1,283–715/. Германское предложение при всех своих недостатках исключало принцип качественного ограничения морских вооружения и никак не стесняло увеличение их числа Великобританией.

73. По свидетельству заведующего отделом посольства В. цу Путлица, "все члены лондонской делегации обязались честные словом ни звука не говорить сотрудникам посольства, и прежде всего, Хешу, о ходе переговоров относительно военно-морского флота". Единственное исключение было сделано для привлеченного к ним с апреля 1935 г. морского атташе капитана Васснера /60–174/.

74. Немцы заверили, что их ВМС не выйдут за рамки 35-процентной квоты даже при опережающем развитии флота Франции. Они отметили, что согласие Англии на установление пропорции не предвещает условий мировой конференции, на которой Германия будет самостоятельно отстаивать свои интересы /11,13–348-343/. Во избежание огласки в печати Риббентроп согласился назначить следующее заседание на 6 июня и выслушать детальное изложение позиции Великобритании /11,13-364/.

75. Решение заключить соглашение в форме обмена деклараций, а не единого текста было принято на совещании 13 июня С.Хора, Р. Ванситтарта, Р. Крэйги и юридического советника Форин Оффис Бекета. Оно в целом совпадало с мнением первого морского лорда. Избранная форма должна была уменьшать недовольство Парижа, Рима и Москвы, /11, 13–402/.

76. Подробных записей бесед Хора и Болдуина с Риббентропом, вероятно, не существует. Завершающая стадия переговоров сопровождалась дружелюбными жестами Берлина: приглашением делегации Британского легиона посетить Германию, а британского военного атташе - несколько авиационных заводов и школ, станцию гидросамолетов и т.д. /11,13–423; 12,4-331/.

77. Показательно, что если во второй половине 1935 г. и в 1936 г. в Германии было спущено на воду 35 подводных лодок, то за два последующих года – всего 10 /244–53/. Следует учесть, что субмаринами гитлеровцы ранее не обладали, а их производстве обходилось сравнительно дешево. Как отмечает П.Д.Овсяный, "Германия имела к началу войны 2 линкора, 11 крейсеров, 25 эсминцев и ни одного авианосца, т.е. меньше половины того, что было разрешено" /236–110/.

78. Интересно, что в мемуарах Ванситтарт оценивал морское соглашение в более мягких тонах. Отдельные историки, не приводя никакой аргументации, утверждали, что соглашение помогло Англии "контролировать положение" /337–390/, "предупреждало морское соперничество" /390–137/. Макс Белов, напротив, полагал, что втягивая Германию в гонку морских вооружений, Лондон тем самым ограничивал возможность ее военных приготовлений в других областях /265–133/.

79. Подробный обзор гневных откликов французской печати на соглашение 18 июня см.: /299–138-140/. К концу июня критика его во Франции значительно ослабла. 1 июля была опубликована статья председателя сенатского комитета по внешней политике Беранжера, который, извиняя англо-германскую договоренность, указывал, что никаких кардинальных изменений в политике Великобритании она не произвела и разговоры о перемене Лондоном фронта лишены оснований /299–144/.

80. "В то время как. негодование Франции отражало глубокое и пронизанное страхом Переживание, возмущение синьора Муссолини выглядело легким раздражением, которое, вероятно, более чем уравновешивалось приятной надеждой", – отмечал А.Тойнби /142–189/. Подробнее о реакции Италии на лондонское соглашение см. /299-145-148; 264—141/.

81. О реакции СССР см. также: /248-301/.

Заявление М.М. Литвинова в беседе с послом, что соглашение знаменует "конец англо-французского сотрудничества" (вызвавшее немедленное возражение Чилстона), носило, думается,

характер дипломатического прощупывания, но отчасти и отражало существовавшую в руководстве СССР неясность относительно политического подтекста соглашения 18 июня. Москву особенно беспокоило укрепление немецкого влияния на Балтике и в лимитрофах, тем более, что северо-западному направлению она уделяла традиционно большое внимание. О росте значимости германского фактора для политики прибалтийских и скандинавских государств вследствие соглашения см.: /248–289; 251–233; 15,1935,1–238-299/.

Представляется, что наиболее адекватно мнение НКВД о британской политике в связи с морским соглашением отражено в статье Н.Корнева. "Никто не утверждает, что политика сэра Самюэля Хора есть политика войны, – писал этот близкий к НКВД автор. – Но все друзья мира опасаются, что такое экспериментирование... одного из руководителей... английской политики, во всяком случае, ослабляет шансы всеобщего мира в Европе" /84а-1935, 7–123/.

Кроме того, вероятно, советские руководители опасались, что позволив германским ВМС усилиться, Англия в будущем будет вынуждена стянуть флот в Северное море и пойти на сближение с Японией /15,1935,1–168-169/.

82. Именно так воспринимало его нацистское руководство /11, 13–434; 267–148; 248–299/. В ноте Риббентропа Хору не содержалось британского тезиса об ограничении морских вооружений как главной цели переговоров /7,10–278/. См. также интервью Риббентропа агентству Рейтер 23 июня /14-147/. Само по себе морское соглашение Гитлер и Редер считали временным /283–71/.

С трактовкой англо-германского морского соглашения "как символизирующего желание наших двух народов никогда более не воевать друг с другом британское руководство согласилось лишь в подписанной 30 сентября 1938 г. в Мюнхене декларации Гитлера-Чемберлена /4,1–241/.

83. В записке Форин Офис от 29 июля выражалось беспокойство, правильно ли Лаваль понимает "ценность сотрудничества Франции с Великобританией" /381-100/. См. также: /11,13–506/. В поспе только что назначений военным министром граф Галифакс вместе с фельдмаршалом Монтгомери-Массингбердом возглавил поездку штабных офицеров на Марну /165–334/.

84. В беседе с Чилстоном М.М. Литвинов упомянул нарушение Лондоном декларации от 3 февраля и 14 апреля, но воздержался от указания на то, что морское соглашение шло вразрез с недавним англо-советским коммюнике. Учитывая, что в мае-июне советская дипломатия не пыталась прямо помешать заключению соглашения Англии к Германии, можно предположить, что Москва избегала ставить под удар едва окрепшие связи с Лондоном и обострять отношения с Берлином.

Со своей стороны, Болдуин и Хор рядом дипломатических жестов постарались снять опасения СССР за будущее британской политики. К их числу относится длительная беседа с полпредом 19 июля, "которую Болдуин вел в чрезвычайно дружественных тонах" (беседы с премьером Майский был удостоен во второй раз за годы пребывания полпредом, в Англии. В первый раз он был принят главой кабинета в ноябре 1934 г.), а также не вполне обычное для практики англо-советских отношений информирование Литвинова о содержании июньских бесед Хора с Риббентропом /5,18–461,436; 12,4–505/.

85. Недовольство оппозиции соглашением наиболее полно отразилось в парламентских дебатах 11 и 22 июля 1935 г. Резолюция лейбористов с осуждением морского соглашения "собрала, естественно, немногим более сорока голосов, однако большинство выступавших, включая лидера либералов Г. Самюэля, Д. Ллойд-Джорджа, У.Черчилля, подвергло его серьезной критике /1,304–526,1549-1552, 1525-1527 и др./.

86. Речь Хора, заверил Майского премьер-министр, "тщательно продумана и отредактирована всем кабинетом" /5,18–462/. Особую значимость ей придавало то, что, как заметил О.Чемберлен, "первые за очень долгое время государственный секретарь предпринял попытку обозреть мировое развитие и заявить о позиции британского правительства по отношению к нему" /1,304–563-564/. См. также: /336–249-250/.

87. Одновременно, С.Хор поручил послам в Брюсселе и Риме содействовать ускорению ответов

правительства Бельгии и Италии на майский протест Германии, К середине июля Вильгельм-штрассе было получено изложение позиций этих: государств. Меморандум Италии содержал значительно более мягкие формулировки, нежели британский текст /12,4–452/.

88. Л.фон Хеш с неудовольствием отмечал, что выступление госсекретаря "совершенно игнорировало платформу "13 пунктов", торжественно преподнесенную Гитлером семью неделями ранее /12,4–536/.

89. Оно отличалось меньшей экспрессией, чем речь 11 июля, но подтверждало ее ключевые положения. "Мне совершенно ясно, – говорил С.Хор, – что пока не будет достигнуто продвижение в вопросах Восточного пакта, будут существовать огромные трудности в обеспечении достаточного прогресса в отношении воздушного пакта и некоторых других мер по умиротворению и примирению Европы" /1,304–2960/.

90. Весьма точным индикатором, состояния англо-германских отношений оставалось отношение нацистов к религиозным свободам. В июне они "были почти восстановлены для протестантов и католиков. В середине июля в Германии поднялась "новая волна антисемитских и антикатолических акций" /172–264/. См. также: /15,1935,2–343, 350, 358-361/.

91. В июле 1934 г. Пьетри указывал британским лидерам на намерение Берлина развернуть главные силы германского флота в Северном море /11,6–821/. Это был совершенно верный прогноз /346–43, 51/.

92. Причины этого носили прежде всего политический характер. Сотрудники внешнеполитического ведомства занимали по существу противоположные позиции. Американский отдел активно поддержал переговоры с немцами и принимал в них прямое участие. Центральный отдел во главе с Р.Виграмом, напротив, осуждал готовность коллег и Адмиралтейства к принципиальным уступкам Германии /267-158-160/. Поощрение требований Берлина, пусть даже только моральное, доказывал в конце мая заведующих Северным отделом Л.Колье, противоречит интересам страны /11,15–726/. Постоянный заместитель госсекретаря находился в неприятном положении. В принципе он отрицательно воспринимал ведшиеся переговоры, в особенности на их заключительном этапе /11,15–726; 53–525/. На настояния М.Хэнки поддержать ускорение переговоров Ванситтарт отвечал, что и сам того желает, но "нам нельзя быть простофилями" /187–154-155/. Заявляя сотруднику немецкого посольства, что не возражает против морского соглашения, "он с пренебрежением говорил", вспоминал В.цу Путлиц, "что речь идет о соглашении по техническим вопросам, касающимся только военно-морского ведомства, а оно, мол, знает, как умерить пыл Германии" /60–175/. См. также: /350–142; 54-527/. Сдержанность шефа аппарата Форин Офис объяснялась, судя по всему, несложно: прославив радикалом, он не мог далее ставить под удар свое официальное положение и подчинился требованию Болдуина прекратить критику правительственного курса /50–46; 350–166-167/.

К линии Ванситтарта был близок Иден. Вернувшись к работе в середине мая, после произнесения известной фулхэмской речи /37–188/, он сообщил своему покровителю, что не претендует на пост госсекретаря, но не желает оставаться лордом-хранителем печати. (Этот пост, кстати, часто использовался для подчеркивания высокого положения занимающего его министра /1,303–27/). Причина такого решения, заявил Иден Болдуину, состоит в том, что он пришел к определенным выводам о внешней политике, делающим для него необходимым либо войти в состав кабинета, либо отстаивать их с задних скамей палаты общин /161–34/. Для молодого и гибкого А.Идена это был экстраординарный поступок. Его ввели в "реконструированный" кабинет на специально учрежденный пост министра по делам Лиги наций. Идеи продолжал открыто, хотя и в осторожной, "конструктивной" форме, выражать сомнения в правильности условий соглашения с немцами до самого последнего момента. /180–827/. После подписания соглашения Идея умело защищал, его в палате общин.